

9(47):323.2.

Ч-49

ПАМЯТНИКИ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ I

Мор 15/11/59

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ
1880 — 1881 г.

Вступительная статья О. В. Аптекмана

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЪЛ

ОРГАН СОЦИАЛИСТОВ-ФЕДЕРАЛИСТОВ.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

ОТ РЕДАКЦИИ.

В № 1 «Народной Воли» было уже заявлено о причинах прекращения издания «Земли и Воли» и появления двух новых органов, не совсем согласных между собою в определении практических задач русской социально-революционной партии.

Нам остается лишь дополнить сдѣланное там объяснение. Раскол в редакції «Земли и Воли» не ограничился, к сожалѣнію, предѣлами литературнаго кружка; он выражал собою два различных теченія, возникшія внутри народно-революционной партии. Которое из них болѣе соответствует духу девиза этой партии — Земли и Воли, — какое из двух новых изданій уклонилось от первоначальной ея программы — об этом не мѣсто высказываться в нижеслѣдующих немногих строках. Мы ограничимся, поэтому, замѣчаніем, что «Земля и Воля» по прежнему останется нашим практическим, боевым девизом, так как эти два слова болѣе полно и широко выражают народныя потребности, стремленія и идеалы.

В статьѣ о «Черном Передѣлѣ» подробно говорится об отношеніи повсемѣстнаго ожиданія народом передѣла земли к этой исторической революціонной формулѣ. Что касается названія нашего изданія органом социалистов-федералистов, то оно объясняется нашим убѣжденіем, что лишь федеративный принцип в политической организаціи освободившагося народа, только полное устраненіе принудительнаго начала, на котором осно-

ваны современные государства, и свободная организация снизу вверх—может гарантировать нормальный ход развития народной жизни. Насколько торжество федеративного принципа может быть достигнуто одним ударом, одним побѣдоносным революционным движением, невозможно, конечно, сказать в настоящее время. Но партия должна направить всѣ свои усилия к обезпеченію его торжества, и социально-революционные изданія не могут обходить молчаніем этого важнаго вопроса.

Этнографическій состав населенія русскаго государства постоянно заставляет считаться с ним даже и в современной нам практикѣ. Малороссія, Белороссія, Польша, Кавказ, Финляндія, Бессарабія—каждая из этих составных частей Россійской Имперіи имѣет свои народныя особенности, требует самобытнаго, автономнаго развитія.

В виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; но пока оно составляет задачу будущаго, «Черный Передѣл» по необходимости является органом всѣх русских социалистов, раздѣляющих основныя положенія его программы. Тѣм не менѣе каждое указаніе на мѣстныя отличія в постановкѣ социального вопроса и практических приѣмах партии, всегда найдет самый радушный приѣм на страницах нашего изданія.

Наконец, исходя из условий русских общественных отношеній в постановкѣ своей практической программы, русская социально-революционная партия не может упускать из виду положеній научнаго социализма, которыя должны служить для нея критеріем при оцѣнкѣ различных сторон и форм народной жизни. Изданіе, имѣющее в виду главным образом интеллигентных читателей—к которым мы относим также и часть городских рабочих—даже обязано указывать на тѣсную связь русскаго революціоннаго движенія с общими выводами западно-европейской жизни и мысли, отгнѣять их тождество—в послѣднем счетѣ—с стремленіями и задачами русской социально-революціонной партии. Сказаннаго, полагаем, достаточно, чтобы отклонить mogućия возникнуть по поводу названія нашего органа недоумѣнія.

[2] ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДѢЛ.

Глас народа—глас Божій.

В многомилліонной массѣ русскаго крестьянства непрерывно появляется, исчезает и вновь возникает множество самых разнообразных слухов, толков и ожиданій. Несмотря на свое видимое разнообразіе, всѣ эти слухи имѣют один и тот же источник—страстное исканіе народом того или другого выхода из современнаго, невыносимо-тяжелаго положенія. Но ни один из них не приобрел такого широкаго, можно сказать, повсемѣстнаго распространенія, ни один не остановил на себѣ в такой степени вниманія правительства и интеллигентнаго общества, как слух о предстоящем, будто-бы, в скором времени передѣлѣ земли. Никто не может указать не только автора этого «превратнаго толкованія», но даже и мѣста первоначальнаго появленія послѣдняго. Пущенный, быть может, одним из тѣх «бывалых» людей из народа, которым их продолжительное скитальчество по бѣлому свѣту сообщает не псевдо-цивилизованныя привычки городского обывателя из мѣщан, не презрительное отношеніе к «сѣрой деревенщинѣ», но глубокое, инстинктивное пониманіе народных потребностей и народнаго горя, слух этот облетѣл всю земледѣльческую Россію... и вездѣ перешел в непоколебимую увѣренность относительно скорого приближенія «слушнаго часа» и т. п. Не заботясь о том, чѣм «священным правам», каким «общественным основам» противорѣчит его желанный аграрный переворот, народ наш положил ожиданіе этого переворота в основаніе своего примиренія с тяжелым настоящим, своих надежд на лучшее будущее. С точки зрѣнія этого, по его мнѣнію, неотвратимаго факта, он оцѣнивает всѣ событія внутренней и внѣшней жизни современной Россіи. Покушеніе на жизнь императора, казни политических преступников, стѣсненіе казаков, восточная война, приготовленія к ревизіи, всѣ эти факты, несмотря на их очевидную несоизмѣримость, взвѣшиваются народом исключительно с точки зрѣнія его завѣтных ожиданій земельного передѣла, в каждом из них он видит только подтвержденіе основательности своих надежд. Правительственный циркуляр, изданіем котораго г. Маков едва не оказал медвѣжьей услуги попу-

лярности царскаго имени в народѣ, встречен послѣдним с полным недовѣрием. «Так и перед волей не единожды читали и объявляли, а все-таки воля вышла»,—вот непредвидѣнный, вѣроятно, г. Маковым отвѣтъ, о своеобразную логику котораго разобьется еще не одно правительственное заявленіе.

Вліяніе этой непоколебимой увѣренности простирается даже на сферу чисто коммерческих отношеній: в нѣкоторых мѣстах крестьяне, как извѣстно, отказываются от покупки земель и избѣгают долгосрочных арендных контрактов. По своему вліянію на народные умы, слух о передѣлѣ земли может сравниться развѣ только с тѣми слухами об уничтоженіи крепостного права, которые ходили в народѣ чуть ли не с самаго возникновенія этого института в Россіи, послужили поводом ко множеству мелких волненій, с каждым годом расширявшихся и возраставших в числѣ *), и убѣдили, наконец, правительство | в том, что «лучше освободить народ сверху», нежели ждать, пока это освобожденіе будет предпринято снизу.

Не прошло еще и двадцати лѣтъ послѣ «великой реформы» нынѣшняго царствованія, как народ, со свойственной массам черною неблагодарностью, начинает поговаривать о передѣлѣ земли и толкует об этом с тою же роковою увѣренностію, которая один раз уже вынудила правительство к уступкѣ. Никто не может поручиться в том, что если бы правительство уступило и на этот раз, народ не потребовал бы от него новых и новых уступок, пока постоянно ограничивая и урѣзывая самого себя, государство не дошло бы, наконец, до полного самоотрицанія; а так как это послѣднее никак уже не может входить в правительственные виды, то никто не может поручиться такоже и в том, что народ не будет вынужден удовлетворять своим потребностям путем того воздѣйствія «снизу», тенет котораго все правительства и всѣ либералы в мірѣ избѣгают так же старательно, как Мефистофель избѣгал креста. Что касается до нас, революціонеров-народников, то мы считаем такое воздѣйствіе неминуемым, так как вся внутренняя исторія Россіи есть, по нашему мнѣнію, ничто иное, как длинное, полное трагизма повѣствованіе о борьбѣ на

*) См. кн. г. Романовича-Словатинскаго «Дворянство в Россіи», гдѣ представлена перепись этих волненій.

жизнь и смерть между полярно-противоположными принципами народно-общиннаго и государственно-индивидуалистическаго общежитія. Кровавая и шумная, как ураган, в минуты крупных массовых движеній, в родѣ бунтов Разина, Пугачева и др., борьба эта не прекращалась ни на минуту, принимая самыя разнообразныя формы. Откупаясь от государственнаго вмѣшательства в его жизнь во времена Грознаго, как откупался он когда-то от норманнов, хазар или, потом, татар; разбредаясь розно и заселяя пустынные степныя окраины и лѣсныя тайги сѣвернаго поморья и Сибири; образуя шайки понизовой вольницы под предводительством своих любимых «атаманушек»; оплакивая «древнее благочестіе» в глухих раскольничьих скитах, народ вездѣ и всюду отстаивал одни и тѣ же стремленія, боролся за одни и тѣ же идеалы общежитія.

Свободное общинное самоустройство и самоуправленіе; предоставленіе всѣм членам общины сначала права свободнаго занятія земли «куда топор, коса и соха ходит», потом, с увеличеніем народонаселенія, равных земельных участков с единственною обязанностію участвовать в «общественных разметах и разрубках»; труд, как единственный источник права собственности на движимость; равное для всѣх право на участіе в обсужденіи общественных вопросов и свободное, реальными потребностями народа опредѣляемое соединеніе общин в болѣе крупныя единицы—«земли»: вот тѣ начала, тѣ принципы общежитія, которые так ревниво оберегал народ и которые, кратко формулируясь в боевом девизѣ «Земля и Воля», в минуты, когда чаша народнаго долготерпѣнія оказывалась переполненной до краев, обладали магическим свойством волновать умы массы от прикаспійской Астрахани до бѣломорскаго Соловецкаго монастыря. С самых ранних времен своего существованія государство вступило в противорѣчіе с этими принципами. Отдача свободных отолѣ общин в «кормленіе» представителям государственной власти, которые вмѣшивались в народную жизнь и лишили общину до тѣх пор неоспоримаго ея права на рѣшеніе возникавших внутри ея вопросов; произвольное обложеніе общин податями для непонятных народу и чуждых его [3] интересам цѣлей; захват общинных земель и раздача их частным лицам; раздача вотчин и помѣстій высшим классам и предоставленіе им права

на крестьянский труд; полное закрепощение народа и насилие, насилие, насилие, от насильственного спаивания народа при «тишайшем» Алексѣе Михайловичѣ до обращения с помощью военных экзекуцій сел в города и насильственного введенія культуры картофеля при «незабвенном» Николаѣ—вот тѣ блага, которыя приносило народу государство, тѣ приемы, которых оно неуклонно держалось впродолженіе всей своей исторіи. Напрасно гг. официальные историки стремятся убѣдить нас в том, что русскій народ не только добровольно призвал князей, но и всегда охотно подчинялся государственному порядку. Это подчиненіе было настолько же добровольно, как и подчиненіе малорусскаго народа польскому или подчиненіе индійцев англичанам.

Во всѣх этих случаях было то-же насильственное вторженіе в народную жизнь, то-же непониманіе и игнорированіе ея склада и особенностей, то-же попраніе народных прав, и еще неизвѣстно, который из трех народов болѣе энергично протестовал, настойчивѣе отстаивал устои исконных бытовых форм своего обществѣ. До сих пор Русское государство оставалось побѣдителем в его борьбѣ с народом, но кто возьмется высчитать шансы этой борьбы в будущем? До сих пор торжество государства было полно и повсемѣстно. Оно сдавило народ желѣзным кольцом своей организациі; пользуясь ея преимуществами, оно с успѣхом подавляло не только мелкія и крупныя народныя движенія, но и всѣ проявленія самостоятельной народной жизни и мысли; оно наложило свою тяжелую руку на казачество, исказило земельную общину; заставило народ заплатить за его исконное достояніе—землю—выкуп, превышающій стоимость самой земли; но в то время, когда оно отпраздновало уже тысячелѣтній юбилей своего существованія, когда оно, повидимому, уже нимало не сомнѣвалось в окончательной гибели самобытной народной жизни, народ с полным спокойствіем и ничѣм неразрушимою увѣренностію заявляет, что далѣе так продолжаться не может, что сам царь поймет наконец эту невозможность и возьмет на себя почин перестройки общественных отношеній в духѣ исконных народных идеалов. Ничто не могло так горько отравить торжества побѣдителей, не могло нагляднѣе доказать, что вліяніе государственности было и остается до сих пор поверх-

ностным, что оно не простирается на умы и воззрѣнія массы, как этот замогильный гóлос заживо-погребеннаго, но все еще полного сил и способности к самобытному развитію народа.

Вот почему правительство забило тревогу и, вопреки всѣм прежним официальным увѣреніям относительно того, что русская социальнореволюціонная партія есть не болѣе, как «горсть злонамѣренных личностей», не имѣющих никакой почвы и вліянія в народѣ,—оно объявило, что ходящіе в крестьянствѣ толки о передѣлѣ земли нужно цѣликом отнести на счет социалистической пропаганды. Оно приписало социалистам такое громадное вліяніе на народныя умы, о котором они до сих пор не всегда позволяли себѣ даже мечтать. Такова логика официальных заявленій. Справедливость заставляет нас, однако, признать, что в подобной ошибкѣ правительство виновато менѣе, чѣм это может показаться с перваго взгляда.

Мудрено ли, что не имѣющее понятія об особенностях склада жизни и правовых воззрѣніях народа, из всѣх событій русской исторіи знающее лишь исторію дворцовых переворотов да лѣтопись дворцовых крупных и мелких интриг, часто забывающее даже исторію своих собственных «мѣропріятій», мудрено ли, говорим, что такое правительство с удивленіем и страхом услышавшее о живущих в крестьянствѣ ожиданіях полного аграрнаго переворота, объяснило эти ожиданія вліяніем социальнореволюціонной партіи? Оно узнало, что народ не признает за высшими классами права собственности на землю, что он требует не только экспропріаціи земли у высших классов, но и установленія совершенно иных, мало понятных с правительственной точки зрѣнія, форм отношенія к ней; оно узнало, словом, что народ ждет социальной революціи, и, естественно, обвинило в том социалистов.

Читатель, сколько нибудь знакомый с ходом возникновенія партій вообще, и русской социальнореволюціонной в частности, не нуждается, конечно, в доказательствах того, что в данном случаѣ слѣдствіе принято за причину. Не потому народныя воззрѣнія на землю и право владенія и пользованія ею противорѣчат воззрѣніям высших классов, не потому не согласуются они с понятіем о собственности, санкціонированным сводом государственных законов, что появилась в Россіи социальнореволюціонная

партія. Напротив, эта послѣдняя потеряла бы всякій смысл существованія, навсегда осталась бы экзотическим растеніем, неизвѣстно кѣм и зачѣм пересаженным на русскую почву, если бы не было вышеупомянутой розни, если бы она не положила своего отпечатка на всю исторію внутренних отношеній в нашей странѣ, не проникала собою всѣх сфер человѣческаго общежитія. Этою рознью только и вызвана к жизни наша партія, в ней заключаются наши надежды, в ней видим мы залог своего успѣха и ее же считаем мы исходным пунктом, операционным базисом нашей революціонной работы в народѣ. Полагаем, что небезполезно будет остановиться на этом нѣсколько долѣе.

Наши воззрѣнія на практическія задачи нашей партіи состояются из двух слагаемых: общих указаній науки и специальных условій русской исторіи и современной дѣйствительности. Мы признаем социализм послѣдним словом науки о человѣческом обществѣ и в силу этого считаем торжество коллективизма в области владенія и труда альфой и омегой прогресса в экономическом строѣ общества. Мы знаем, что выраженіе «природа не дѣлает скачков» одинаково приложимо как в сферѣ явленій природы, в тѣсном смыслѣ этого слова, так и в ходѣ развитія человѣческих обществ. Мы помним, что каждый шаг на пути этого развитія строго опредѣляется предшествующей исторіей общества и его состояніем в данный момент, словом, всей суммой данных динамики и статики разсматриваемаго общества. Но мы убѣждены также и в том, что палліативы не исцѣляют социальных зол, что всякій общественный дѣятель должен стремиться провести в общество максимум необходимых и возможных реформ, что, выражаясь кратко, каждый общественный дѣятель должен быть радикалом. Так как экономическія отношенія в обществѣ признаются нами основаніем всѣх остальных, коренною причиною не только всѣх явленій политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов, то радикализм прежде всего должен стать, по нашему мнѣнію, радикализмом экономическим. Усилія реформатора-радикала должны направляться, главным образом, на максимальное измѣненіе к лучшему общественно-экономическаго строя, не справляясь о том, мирно или при насильственном сопротивленіи

со стороны лиц, заинтересованных в сохраненіи стараго порядка, может совершиться это измѣненіе.

Всѣ эти положенія суть ничто иное, как выводы современной социологіи, равно обязательные для всего человѣчества. Сознательно или безсознательно, слѣдуя или противорѣча им на практикѣ, с ними считались всѣ реформаторы и революціонеры, всѣ общественные дѣятели от Будды до К. Маркса, от «великаго» Ликурга до «маленькаго» Тьера или ген.-губ. Гурко включительно. Но едва мы захотим приложить эти положенія к практической дѣятельности в нашем отечествѣ, едва вмѣсто условій общественнаго развитія вообще, мы заговорим об условіях русскаго прогресса в частности, мы, логикою тѣх же самых положеній, обращаемся в русскіх революціонеров-народников. Только в формах русской народной жизни находим мы здѣсь задатки для развитія полнаго коллективизма в отношеніях производителей к орудіям труда, только отстаивая эти формы, мы можем найти незыблемую опору в крестьянской массѣ; в устраненіи враждебных вліяній и расчисткѣ пути для правильнаго развитія этих форм заключается сумма возможных в настоящее время экономических и, стоящих к ним в отношеніи слѣдствія к причинѣ, политических реформ в Россіи *). Но для осуществленія этого максимума реформ, нам прежде всего нужно обратить свои усилія на разрушеніе нынѣ существующаго в нашем отечествѣ государственнаго строя. Государству закрѣпощена главная масса народнаго труда. Созданное им, путем экспропріаціи земли у народа, малоземелье образует тот контингент искусственно оторванных от родной хаты и нивы батраков, из котораго набирают «рабочія руки» фабрики и заводы. Тяжелыми поборами оно заставляет крестьянина искать средства для удовлетворенія требованій государства на сторонѣ, т. е. вынуждает его отдавать себя в жертву хозяйской эксплуатаціи. Оно поддерживает кулачество и ростовщическій капитализм в деревнѣ и таким образом подбирается к формам народной жизни с самой опасной стороны. Выше мы старались исторически освѣтить враждебность государства к все-

*) «Болѣе полно эти мысли были развиты нами в № 3 «Земли и Воли» в статьѣ «Закон экономическаго развитія и задачи социализма в Россіи», к которой мы и отсылаем читателя.

стороннему развитію форм народной жизни, теперь указываем на современныя отношенія народа к государству. Цѣль нашей статьи будет достигнута, если читатель согласится с нами, что все принадлежащее послѣднему будет безвозвратно потеряно для народа, что каждый год его существованія стоит народу массы бѣдствій, несчастій и горя, что оно деморализует народ, стараясь привить к нему формы чуждой ему жизни. Вот почему разрушеніе государственной организаціи должно составлять нашу первую задачу. А так как борьба с государством может совершаться только на почвѣ «Земли и Воли», то мы, исходя из вышеизложенныхъ общихъ положеній социализма, приходим к необходимости агитаціи во имя тѣхъ же начал, за которые уже боролись Разин, Пугачев и др., приходим к тому, что мы называем революціоннымъ народничествомъ. Так, понимающій дѣло русскій агрономъ, руководствуясь общими положеніями агрономической науки, выросшей на почвѣ иныхъ условій народонаселенія, сбыта, техники земледѣлія, утилизируетъ эти положенія, сообразно с русскими условіями выгодной эксплуатаціи почвы.

Вот почему мы называем нашу газету «Черный Передѣлъ». В этихъ двухъ словахъ заключается рѣшеніе крестьянскаго вопроса, от котораго, в свою очередь, зависятъ всѣ остальные. Конечно, рѣшеніе это касается только экономической стороны упомянутаго вопроса, но экономическія отношенія в обществѣ служатъ субстратомъ для всѣхъ остальныхъ категорій человѣческихъ отношеній. Толкуя о «Черномъ Передѣлѣ», о землѣ, народ забываетъ, повидимому, о «Волѣ», т. е. о той суммѣ общественныхъ реформъ, которая исторически связана с этимъ словомъ, даже болѣе, народ нашъ, повидимому, считаетъ возможнымъ примирить передѣлъ земли с существованіемъ современнаго государства: онъ ждет этого передѣла отъ царя.

Но какъ бы ни думалъ об этомъ в настоящее время народ, от кого бы ни ждалъ онъ осуществленія его требованій, экономическая поземельная революція неизбѣжно поведетъ за собою переворотъ во всѣхъ другихъ общественныхъ отношеніяхъ. В знаменитомъ девизѣ крупныхъ народныхъ движеній воля такъ же неотдѣлима отъ земли, какъ сила неотдѣлима отъ матеріи, какъ следствие неотдѣлимо отъ причины. Пусть народъ ждетъ поземельной революціи отъ царя, пусть онъ вѣритъ в него, видитъ в немъ своего защитника и ходатая.

Но царь, существующій в народномъ понятіи, и царь, сидящій на русскомъ престолѣ—такъ же непохожи другъ на друга, какъ римскій народный трибунъ не похожъ на восточнаго деспота, какъ Кай Грахъ не похожъ на Шир-Али, и мы утверждаемъ, что даже происшедшее подъ авторитетнымъ знаменемъ Пугачевское движеніе логикою народныхъ требованій было бы доведено до полного отрицанія царской власти, какъ мы понимаемъ ее теперь. А въ-вторыхъ, рано или поздно фикція должна исчезнуть передъ указаніемъ опыта, народъ долженъ увидѣть царскую власть в ея истинномъ свѣтѣ.

Соціально-революціонная партія должна взять на себя заботу, какъ о скорѣйшемъ разрушеніи этой фикціи, такъ и объясненіи народу, проведеніи в его сознаніе всѣхъ необходимыхъ слѣдствій ожидаемаго имъ аграрнаго переворота. Толкая народъ в активную борьбу с государствомъ, воспитывая в немъ самодѣятельность и активность, организуя его для борьбы, пользуясь каждымъ мелкимъ случаемъ для возбужденія народнаго неудовольствія и для сообщенія народу, путемъ пропаганды словомъ и дѣломъ, правильныхъ воззрѣній на смыслъ нынѣ-существующихъ и желательныхъ в будущемъ соціальныхъ отношеній, соціально-революціонная партія должна довести народъ отъ пассивнаго ожиданія «Черного Передѣла», долженствующаго совершиться сверху, до активныхъ требованій «Земли и Воли», предъявляемыхъ снизу. В этомъ заключается задача и возможные предѣлы ея воздѣйствія на народъ, только на этомъ пути ожидаетъ нашу интеллигенцію славное историческое будущее, только на немъ и встрѣтитъ она мостъ для перехода той громадной пропасти, которая отдѣляетъ интеллигенцію отъ народа чуть ли не со времени крещенія Руси и проникновенія в высшіе классы чуждыхъ народу, выработанныхъ на истощенной почвѣ разлагавшейся Византіи, воззрѣній и понятій.

Всѣ другіе пути дѣйствія, какъ бы ни казались они радикальны, какъ бы много ни сулили они народу, будутъ ретроградны по своему существу, потому что всѣ они предполагаютъ не только сохраненіе государства, но и дѣйствіе с его помощью. Какъ бы ни приспособлялось государство к народнымъ потребностямъ и интересамъ, оно всегда во столько же разъ меньше дастъ народу, во сколько индивидуалистическій принципъ, лежащій в основѣ

современнаго государства (не только русскаго, но и всякаго другаго), во сколько этот принцип ниже принципа коллективизма мірской помощи и солидарности, на которых всегда строилась или стремилась построиться народная жизнь. В этом смыслъ мы и говорили, что голос народа, требующаго аграрной революціи, есть как бы голос божій, указывающій нашей интеллигенціи ея истинное, провиденціальное назначеніе.

С.-ПЕТЕРБУРГ 14 ДЕКАБРЯ.

В то время, когда, вслѣд за наступившим послѣ 1848 г. затишьемъ, в западной Европѣ снова начало усиливаться рабочее движеніе, в Россіи стали обнаруживаться революціонныя тенденціи в средѣ интеллигентной молодежи. Пройдя нѣсколько фазисов и захвативши извѣстную часть рабочаго населенія, русское интеллигентно-революціонное движеніе остановилось на так называемом народничествѣ, которое и составляет нынѣ преобладающее теченіе в нашем революціонном мірѣ. Какое значеніе может имѣть это движеніе в общей жизни страны? В состояніи ли оно измѣнить в теченіи вѣков установившееся отношеніе между народом и государством? В каком отношеніи стоит русское народничество к западно-европейскому социализму? Эти вопросы, представляющіе интерес для всякаго, кто разсматривает событія нашей внутренней жизни не исключительно с точки зрѣнія уголовного кодекса, естественно должны быть разработаны изданіем, посвященным пропагандѣ революціоннаго народничества в средѣ нашей интеллигенціи и указанію путей и способов его практическаго осуществленія. В предлагаемом рядѣ слѣдующих статей мы задаемся цѣлью дать на них посильный отвѣтъ.

Прежде всего нужно установить сколько нибудь опредѣленную и точную терминологію. Это тѣм болѣе необходимо в виду того, что с народничеством в разных странах и в различные періоды их общественнаго развитія, могут быть связаны совершенно различныя и даже противоположныя друг другу теоретическія представленія и практическія программы.

Названіе «народно-революціонной» может быть отнесено ко всякой партіи, ставящей на своем знамени социальную ре-

волюцію в интересах и согласно с воззрѣніями и идеалами народной массы. Но, употребленное без всяких оговорок, названіе это не дает еще никакого представленія о характерѣ долженствующаго совершиться переворота. Современные ирландскіе агитаторы были-бы народниками-революціонерами, если-бы вмѣсто болѣе или менѣе палліативных реформ, они указали низшему классу ирландскаго населенія на аграрную революцію, как единственный выход из его бѣдственнаго положенія. Агитація Гракхов в Римѣ, равно как и дѣлавшіяся во время Цицерона предложенія относительно передѣла земли, были радикально-народническими в полном смыслѣ этого слова, так как они вполне совпадали с интересами бѣднѣйшей части римских граждан и их представителями о справедливой организаціи поземельнаго владѣнія. Но как в современной Ирландіи так и в древнем Римѣ, аграрная революція могла бы лишь передать право поземельной собственности в руки всего народа, не внося новаго принципа в отношеніи людей к землѣ. Она могла бы только раздробить частную поземельную собственность, но не уничтожить ее совсѣм. В каждой из этих стран аграрная община исчезла уже задолго до названных нами аграрных волненій, и в населеніи успѣло изгладиться всякое представленіе о коллективной поземельной собственности, по крайней мѣрѣ на пахатныя земли.

Совершенно иное значеніе приобрѣтают аграрныя волненія в странах, гдѣ община является преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія. Экспропріація крупных поземельных собственников необходимо ведет, в этом случаѣ, не только к болѣе справедливому распредѣленію экспропріированных земель, но и к замѣнѣ индивидуальнаго владенія ими коллективным, т. е. обуславливает торжество высшаго принципа имущественных отношеній. Такой именно смысл имѣют живущія в русском народѣ ожиданія чернаго передѣла, которыя, даже в тѣх частях нашего отечества, гдѣ существует подворно-наслѣдственное владѣніе землею, нерѣдко связываются с представленіем об общинном землевладѣніи и душевой разверсткѣ. Вслѣдствіе этого социалист, провозглашающій коллективное владѣніе орудіями и объектами труда, по крайней мѣрѣ, в той части своей пропаганды, которая касается поземельнаго владѣнія, становится выразителем и обобщителем народных стремленій и, не отказы-

ваясь от своего выработанного наукою міросозерцанія, он с полным правом может назвать себя революціонером-народником в лучшем значеніи этого слова.

Сочувствіе массы земледѣльческаго населенія к коллективным формам землевладѣнія, в свою очередь, придает своеобразный вид как постановкѣ социальнаго вопроса, так и практическим задачам социалистической партіи в Россіи, сравнительно с ея задачами на Западѣ.

Чтобы опредѣлить и выяснить это различіе, нужно обратить вниманіе на тѣ формы коопераціи производителей на Западѣ, которыя служат как бы прообразом организаціи труда и владѣнія в будущем обществѣ. Эти формы созданы крупной капиталистической промышленностью. Соединяя в одно организованное цѣлое изолированных производителей ремесленного періода, социализируя труд, она подготавливает почву для социализаціи владѣнія, которое, со времени разрушенія западно-европейской поземельной общины, стало индивидуалистическим даже по отношенію к недвижимой собственности. Так как в настоящее время уже немислим возврат к ремесленному изолированному производству, то единственно-возможное рѣшеніе рабочаго вопроса заключается в экспроприаціи капиталистов и организаціи коллективнаго владѣнія орудіями друда.

Техника современнаго производства, начавшись социализаціей труда, логически-неизбѣжно ведет к социализаціи владѣній, т. е. к практическому осуществленію социалистических ученій. Родившись на фабрикѣ, рабочій социализм проникает и в деревню, вслѣд за исчезновеніем мелкой поземельной собственности и капиталистической организаціи земледѣльческих предприятий. При господствѣ индивидуальнаго владѣнія землею, социализація поземельнаго владѣнія может явиться лишь как [6] слѣдствіе социализаціи труда в таких предприятиях. Неудивительно поэтому, что социал. пропаганда встрѣчает самый радужный пріем в мѣстностях, охваченных процессом капиталистическаго производства; напротив, мелкіе собственники-крестьяне относятся к ней очень враждебно и составляют надежную опору реакціонных партій. Классическим примѣром в этом случаѣ может служить земледѣльческое населеніе современной Франціи. Но и там концентрація поземельнаго владѣнія в руках

крупных собственников рано или поздно вытѣснит господствующую нынѣ систему землевладѣнія и французское крестьянство, силою экономической необходимости, вынуждено будет присоединиться к революціонной арміи городского пролетаріата.

Таким образом, капитализм подготавливает почву социализму и является его необходимым предшественником. Но, как мог уже замѣтить читатель из вышеизложеннаго, неизбѣжность капиталистической продукціи, как переходной ступени к социалистической организаціи будущаго общества, признается нами лишь для тѣх сфер имущественных отношеній людей, гдѣ индивидуализм являлся до тѣх пор исключительно-господствующим принципом. Еще со времени феодализаціи поземельной собственности на Западѣ, этот послѣдній вытѣснил собою коллективное владѣніе землею; что касается орудій труда, то они по самым свойствам своим требовали единоличнаго владѣнія и лишь введеніе машин крупной промышленностью создало конкретную основу для примѣненія к ним коллективнаго начала.

Поэтому всѣ сферы имущественных отношеній в западно-европейском обществѣ должны были пройти чистилище капиталистической продукціи, чтобы реорганизоваться на началах коллективизма. Там же, гдѣ эти послѣдніе проникают собою, по крайней мѣрѣ, поземельныя отношенія массы, их дальнейшее развитіе и распространеніе на движимыя орудія труда может совершиться естественным путем, конечно, при благопріятных условіях. Коллективныя формы владѣнія даже движимой собственностью не представляют чего-либо новаго и неизвѣданнаго в исторіи имущественнаго права. Мы встрѣчаем их на первых ступенях общественнаго развитія и если онѣ, мало-по-малу разрушаясь, уступили, наконец, мѣсто торжеству противоположных им индивидуалистических форм, во всѣх извѣстных нам культурных странах, то до сих пор еще вопрос о причинах их исчезновенія представляется далеко не рѣшенным окончательно и безапелляціонно в сторону внутренней необходимости. Напротив, даже с предвзятою мыслью предпринятые изслѣдованія приводят лишь новыя доказательства в пользу того мнѣнія, что исчезновеніе коллективизма обусловливалось неблагоприятным стеченіем исторических условій. Онѣ не только не носят в самих себѣ элементов разложенія, но, напротив, при благо-

приятном стечении обстоятельств прогрессируют и совершенствуются, налагая свою печать на все предприятия общинников. Стремление к коллективной организации промышленных предприятий было замечено во всех странах, где поземельная община сохранилась в больше или меньше полном виде.

Таково, напр., развитие артельных промыслов в тот период нашей истории, когда государственный гнет, с одной стороны, не успел еще подавить народной инициативы, а с другой — не породил еще того кулачества, которое монополизует в настоящее время все отрасли промышленности.

Подобное же явление замечается и в Индии, где уже древнейшие законодательства упоминают о «людях, соединившихся с целью содействовать, каждый своими трудами, успеху общего предприятия». Несмотря на множество самых неблагоприятных исторических влияний эти кооперативно-промышленные товарищества существовали вплоть до английского завоевания. Но, разумеется, применение принципа кооперации возможно только в тех сферах труда, где оно способно повести к увеличению его производительности. Современное состояние, напр., нашего земледелия, господство экстензивной культуры почвы, не благоприятствует общинной эксплуатации полей. Самое употребительное при такой обработке земледельческое орудие — соха, с которою, как известно, с удобством может управляться один рабочий. Разделение труда между отдельными работниками невозможно при подобном состоянии земледельческих орудий, а потому артельная обработка мирских земель не в состоянии была бы увеличить его производительность. В этом нужно искать разгадки того на первый взгляд странного явления, что, несмотря на всю привычку нашего крестьянина к артельной организации, он не применяет своего излюбленного артельного принципа к земледелию. Совсем иное значение имеет этот принцип в других отраслях сельского хозяйства и вообще крестьянского быта. Покос лугов, вырубка леса, рытье канав и т. п. часто требуют дружных усилий всего мира, и здесь мы видим применение коллективного труда.

Таким образом, социализация земледельческого труда может явиться естественным следствием общинного землевладения лишь на известном уровне сельскохозяйственной культуры.

Введение интенсивных способов обработки почвы и более совершенных земледельческих орудий не только не затрудняется, но, напротив, значительно облегчается существованием нераздельной поземельной собственности в общине. А это введение поставит на очередь вопрос об артельной эксплуатации мирских полей. Тогда и пропаганда последней получит, так сказать, экономическую санкцию и будет, без всякого сомнения, плодотворной. В настоящее же время только общинное землевладение и артельная организация народной промышленности составляют практически осуществимую в России часть социалистической доктрины. Поэтому они и должны быть взяты агитационным девизом русской социально-революционной партии. Говорим агитационным, потому что возможность и пределы пропаганды в различных частных случаях могут и должны быть шире требований, непосредственно вытекающих из условий переживаемого Россией фазиса экономического развития.

Так понимаем мы различие, существующее в постановке и способах решения социального вопроса на Западе Европы и в России. Но это различие не исчерпывается вышеуказанным. Как это понятно само собой, оно простирается и на практические приемы нашей партии, что и составит предмет следующих статей.

[7] П И С Ь М О

К БЫВШИМ ТОВАРИЩАМ.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Прежде всего, товарищи, привѣтствую вас всех и крепко жму вам руки! Пусть этот привѣт и это рукопожатие служат лучшим доказательством той симпатии, которую я всегда чувствовал к вам и которую я сохранил даже теперь, несмотря на наше резкое расхождение. Скоро будет полгода с тех пор, как мы разошлись. Факт этот, — крайне для меня прискорбный, — теперь уже не подлежит никакому сомнению и, так сказать, публично констатирован с первого же дня появления в свет вашего органа «Народная Воля».

Вы сказали ваше первое слово, теперь очередь за нами. Не думайте однако, что я намерен в этом письме пускаться

в подробное изложение нашей программы. Здѣсь это не у мѣста.

Моя цѣль—разъяснить тѣ разногласія, которыя послужили поводом к нашему раздѣленію.

Как видите, мы снова поднимаем тот жгучій вопрос, с которым у нас,—я говорю лично о себѣ,—связано столько тяжелых воспоминаній. Вы, вѣроятно, помните, как я отнесся к нашему раздѣленію. Оно произошло, когда я был в провинціи.

Вернувшись сюда, я застал умы до того возбужденными, что не предвидѣлось никакой возможности предотвратить разрыв соглашеніем. Я протестовал тогда энергично, как умѣл и понимал. Я говорил, что крайне неразумно, нерасчетливо расходиться нам в то время, когда наша партія еще не достаточно окрѣпла, когда мы еще не успѣли организовать в народѣ достаточно солидную боевую партію, когда самое положеніе вещей,—безпрерывная и неустанная борьба с правительством в той или другой формѣ,—требует от нас большей концентрации сил и энергіи. За-одно со мной стояли очень многіе из наших товарищей, которые частью вошли к вам, частью остались у нас. И они, подобно мнѣ, настойчиво отстаивали необходимость совмѣстнаго дѣйствія и рѣзко протестовали против раздѣленія, как причины, ослабляющей наши силы. Но эти резоны, к сожалѣнію, не привели ни к чему. Одна часть ударила исключительно в борьбу с правительством, считая ее злобою дня, другая, напротив, в силу естественной в таком случаѣ реакціи, стала вовсе отрицать необходимость в данный момент непосредственной борьбы с правительством и убѣждала сосредоточить свои силы в народѣ. Т. об. разногласія о приѣмах борьбы перешли в разногласія принципиальныя: вы предлагали политическую борьбу на первом планѣ, мы—экономическую.

В настоящее время вы выступили публично в вашем органѣ с пропагандой новых принципов и новых способов борьбы. Вы зовете на этот «новый» путь молодежь, общество и всѣх, кто только способен к активной борьбѣ. Вы доказываете необходимость в данный момент политической борьбы с цѣлью политическаго переворота. Не отрицая абсолютно возможность дѣйствія в народѣ, вы находите однако, что «при настоящих условіях она слишком затруднена».

А потому вы говорите: «для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произвол, уничтожить это нахальное вмѣшательство в народную жизнь и создать такой государственный строй, при котором дѣятельность в народѣ не была бы наполненіем бездонных бочек Данаид». Независимо от этого соображенія, необходимость систематической борьбы с правительством с цѣлью «политическаго переворота» и «передачи государственной власти в руки народа» вытекает, по вашему мнѣнію, из специфических особенностей современнаго русскаго государства и из отношеній его к другим «соціальным группам».

Пока у нас не образовались классы, извѣстным образом обособленные с опредѣленными политическими и экономическими тенденціями, борьба с правительством не представляет особых затрудненій. Опасность наступит тогда, когда буржуазія наша, начинающая лишь зарождаться, окрѣпнет настолько, что захватит политическую власть в свои руки. Борьба же с буржуазным государством, конечно, по вашему мнѣнію, не в примѣр труднѣе, чѣм с современным. Проповѣдуя политическій переворот, вы тѣм не менѣе считаете нужным заявить, что отнюдь не отрѣшаетесь от переворота экономическаго, соціальнаго. Послѣдній у вас тѣсно сростается с государственным, который, будучи совершен, даст народу возможность устроиться согласно своим идеалам, наклонностям и стремленіям.

Мысли, высказанныя в «Н. Р.», настолько важны и серьезны по своим практическим послѣдствіям, по тому вліянію, которое они могут оказать на еще неустановившееся убѣжденіе, что я считаю необходимым нѣсколько остановиться на них.

Мнѣ кажется весьма странной, чтобы не сказать больше, ваша увѣренность в необходимости в данный момент политическаго переворота в Россіи. Увѣренность ваша в этом отношеніи доходит даже до того, что вы не церемонитесь называть «предразсудком», «боязнью собственной ной мысли» (№ 2 «Нар. Воли») всякое мнѣніе, несогласное с вашим.

Общественныя явленія слишком сложны и обусловливаются взаимодействіем слишком многих факторов, чтобы позволительно было людям интеллигентным относиться к ним так просто, примитивно. Каждый общественный дѣятель, тѣм болѣе револю-

ціонер-соціаліст, к которым, конечно, вы причисляете и себя, должен прежде всего уметь толково ориентироваться в этой массе разнообразных факторов. Он должен понимать и знать, что из этой массы надобно выдѣлять такіе факторы, которые главным и существенным образом обуславливают это, а не другое состояніе общества, эту, а не другую фізіономію его. Критика современнаго общества убѣдила людей науки, что в основѣ его лежат главным образом отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальные отношенія—государственныя, юридическія, нравственныя и пр. А потому понятно, что каждая живая партія должна избрать точкою приложенія своих сил базис даннаго общества—его экономическія отношенія.

Историческій же опыт учит нас, что реорганизація общества на болѣе справедливых основаніях возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты нигде и никогда не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы,—верховное право [8] народа, всеобщее избирательное право,—во имя которых еще так недавно совершались политическія революціи, в настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе. Как продукт критики мысли своего времени, как результат коллективной умственной работы философіи XVIII вѣка, эти идеалы, естественно, должны были служить лозунгом для передовых лучших людей западной Европы. Политическіе революціонеры новѣйшаго времени, начиная с 1789 до 1848 г., не только во Франціи, но и во всей остальной континентальной Европѣ, горячо вѣрили в обновляющую силу этих политических идеалов и думали, что достаточно политическаго переворота, чтобы разрушить старое общество и воздвигнуть на его развалинах новое, болѣе справедливое и согласное с требованіями этих идеалов. Как дѣти своего времени, как сторонники философов XVIII вѣка, они думали и мыслили, как эти послѣдніе, априористично, метафизически. Выдвинув на первый план априористичные, идеальные принципы,—право человѣка, верховное право народа,—эти люди игнорировали реальныя, экономическія отношенія, внѣ которых всякая политическая деятельность становится сизифовою работою.

Вся система политических заговоров, захватов власти, пущенная в ход якобинцами 89 г. и, с легкой их руки, подхваченная якобинцами Италіи, Испаніи в первой четверти настоящаго вѣка, может служить примѣром того, как шатки, непрочны политическіе перевороты, совершающіеся сверху, «во имя народа», но без его инициативы. Да и понятно. Развѣ может быть прочна та система, которая основывается главным образом на принципѣ: «все для народа, но ничто при посредствѣ самаго народа?» Люди, исповѣдующіе этот принцип, само собою, отрицают всякую инициативу в народѣ, считают массу совершенно индифферентною, безразличною средою, над которою позволительно продѣлывать всевозможные фокус-покусы. Как бы ни были такіе люди преданы народу, как бы искренни ни были их симпатіи и стремленія, способ их реализации должен непремѣнно и роковым образом приводить к діаметрально противоположным результатам. Вспомните, на примѣр, хоть знаменитых эксцентриков-революціонеров, якобинцев 1789 г.—Робеспьера, Дантона и Марата! Они сложили свою голову на плахѣ. Вы думаете: за народ? О, нет! За «единую нераздѣльную республику» т. е. за старый принцип государственности. Какова была их тактика, система? Террор, насиліе и принужденіе. Во имя чего они это дѣлали? Во имя прав человѣка, прав народа, а особенно во имя общественной безопасности. Сторонники по преимуществу правительственной инициативы, ставя выше всего государство, якобинцы предоставляют себѣ, во имя громких и высоких принципов, думать и дѣлать все, что им угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожают монополіи, привиллегіи, цехи и другія корпораціи, и в то же время во имя той же свободы издают декреты, лишаящіе рабочих права ассоціацій, сходов, стачек, т. е. естественнаго права самозащиты. «Якобинство (говорит Прудон) было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же с 1804 по 1815 г. грозило уничтоженіем ея во всей Европѣ».

«Наполеон I, образованный в школѣ Робеспьера, который был для него всегда великим геніем, захватив власть, сдѣлался тотчас же идолом якобинцев. Оттого они и прозвали его Робеспьером на конѣ. Его 18 брюмера можно считать как бы отмщеніем за 9 термидора. Он наполнил якобинцами свой

главный штаб, свои совѣты, свою администрацію и всѣх их возвел в дворянство. Зато и секта выказала ему свою признательность; она избрѣла формулу посвященія: «император значит—революція, император значит—демократія».

Таков якобинизм, каким рисует его Прудон, этот честный и талантливый защитник народных прав и интересов. Он совершенно прав, утверждая, что политическая свобода якобинцев привела во Франціи к политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма. Но было бы несправедливо думать, что якобинцы стремились к этому сознательно. Для лучших представителей его политическая свобода была не пустое слово, не пустой звук, брошенный на вѣтер, а искреннее, глубокое убѣжденіе, выработанное у них под вліяніем древних классиков и современной им философіи. Это была своего рода религія, «благая вѣсть», которой они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатели сложили голову за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тот кумир, которому поклонялись! Виновата та система, тѣ способы и приемы борьбы, которыми они хотѣли реализовать свой идеал, свою «единую нераздѣльную республику».

В послѣдних трех словах скрываются причины и послѣдствія их пораженія и гибели. Что такое «единая нераздѣльная республика». Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что «государство—это я», это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что «имперія—это революція, демократія». В основѣ их один принцип—государственность и централизація: авторитет и инициатива власти, с одной стороны, безгласность и подчиненіе массы—с другой.

Раз революціонная партія выставила на своем знамени этот принцип, она — партія реакціи и застоя. Она теряет почву под ногами, лишается довѣрія и поддержки массы, и, слѣдовательно, сама себя обрекает на пораженіе и смерть.

Лучшей иллюстраціей нашей мысли могут послужить отношенія французских крестьян к первой республикѣ. Еще в своих наказах національному собранію народ прямо заявляет, что если не будет приступлено немедленно к отмѣнѣ феодальнаго права, то он откажется присягнуть конституціи, а слѣдовательно и защищать отечество от грозившей ему внѣшней

опасности. Эта угроза крестьян так сильно подѣйствовала на законодателей, что они немедленно декретировали уничтоженіе феодальных прав. Что эта угроза могла бы легко осуществиться, можно убѣдиться на примѣрѣ вандейцев. Эти послѣдніе возстали на защиту стараго режима, главным образом, потому, что с ним невольно ассоціировалось у них представленіе об извѣстной степени экономической обезпеченности. Извѣстно, напр., что в нѣкоторых мѣстностях Вандей вплоть до самой революціи сохранилось личное крѣпостное право, а с ним и крѣпость лица к землѣ. Благодаря этому, экономическое положеніе этих, крѣпких к землѣ, крестьян было сравнительно лучше, чѣм положеніе лично свободных, но обезземеленых. Если к этому прибавить ту ненависть, которую питали к возростающему в то время волонтеріату всѣ французскіе крестьяне, а особенно вандейцы, то станет совершенно понятным, почему эти послѣдніе так отчаянно защищали старый порядок. Роялисты прекрасно [9] знали в этом отношеніи вандейцев и умѣли эксплуатировать их в свою пользу.

Если мы обратимся теперь к политическим движеніям Испаніи и Италіи в первой четверти настоящаго вѣка, то найдем массу аналогичных явленій, подтверждающих вышесказанную мысль.

В Испаніи эти явленія выражены особенно рѣзко. В то время, как высшіе интеллигентные классы, проникнутые философскими идеями XVIII вѣка, увлекались политическими идеями французских якобинцев, народ служил слѣпым орудіем реакціи в руках попов, монахов и іезуитов. Политическая исторія Испаніи новѣйшаго времени до послѣдних дней состоит из непрерывных, упорных, сопровождаемых с обѣих сторон ужасными жестокостями, междуусобиц двух партій: либерально-конституціонной, опирающейся на войска и городское населеніе, и реакціонно-монархической, опирающейся главным образом на духовенство, крестьян, разбойников и разнаго рода подвижной, бродячій элемент. Не проходило года без мятежа или государственнаго переворота. То побѣждают одни, то другіе. То заводятся конституціонные учрежденія, широкая политическая свобода, кипит либеральная дѣятельность, то все это уничтожается одним ударом: водворяется «законный порядо», упразд-

няются и уничтожаются нововведенія, начинаются гоненія, преслѣдованія, неслыханныя жестокости и казни. Революціонная мысль, лишенная возможности высказаться открыто, работает тайно, подпольно. Вся Испанія покрывается сѣтью тайных обществ, заговоров. Ожидается подходящий момент, чтобы поднять знамя возстанія. Так было, напр., в 1820 г., когда войска, собранныя в Кадиксѣ для отправки в Америку, совершили военную революцію и возстановили конституцію 1812 г. Король испанскій, «возлюбленный» Фердинанд, торжественно клялся в вѣрности конституціи. Но реакція не дремала. Она пошла работать тѣм же путем, что и революціонеры. Начинается энергичная агитація в средѣ преданных реакціи крестьян, вербуются волонтеры во имя «священной войны против еретиков-революціонеров», составляются банды, вспыхивают повсемѣстные возстанія. Фердинанд благословляет «священную войну», призывает французское оружіе и при помощи его подавляет революцію. Снова начинается реакція—реакція, неслыханная в лѣтописях исторіи. В течение 3 мѣсяцев казнено до 3.000 революціонеров!

Совершенно такую же картину, с небольшими лишь отбѣнками, представляет нам революціонное движеніе в Италіи.

Слух о революціи в Испаніи быстро облетѣлъ всю Европу и вызывал такія же движенія, во имя тѣх же идеалов и принципов, в Италіи. В Сициліи, Неаполѣ и Сардиніи почти одновременно вспыхивают возстанія. Милан был взят инсургентами-карбонарами, которых в то время насчитывали в Италіи до 300.000 человек. Созвана была юнта и введена конституція, буквально списанная с испанской: Король Фердинанд со слезами на глазах присягнул конституціи. Потом пошла старая, но «всегда новая исторія». Реакція, встревоженная этими повсемѣстными возстаніями, затрепетала, и «союзныя арміи» Меттерниха успѣли потушить революціонный пожар.

Такова была судьба политических переворотов в первой четверти текущаго столѣтія в большей части Европы. Мы видѣли, во имя каких идеалов они совершались, какія общественныя группы в них участвовали, какія средства и орудія борьбы ими практиковались и наконец, каково было отношеніе к ним массы крестьянскаго народа. Но традиціи конституціонной

свободы на умерли. Грянула февральская революція. Революціонная волна из Франціи быстро распространилась по всей Европѣ. «Божіею милостію» монархи то бѣжали в страхѣ, то должны были уступить требованіям времени и, волею-неволею, дать конституціи:

Таким образом, конституціонныя идеи, послѣ долгой и упорной борьбы, восторжествовали по всей Европѣ в 1848 г. Но торжество конституціонных идей стало торжеством буржуазіи. С этого момента она выступает борцом и проводником их в политической жизни западных народов. Для нея эти идеи нужны, как средство борьбы против враждебных ей элементов: королевской власти, гдѣ таковая есть, с одной стороны, и массы рабочаго сословія повсюду—с другой. Чѣм сдѣлалась буржуазія для народа, слишком хорошо извѣстно.

Февральская революція—это первый массовый протест французскаго рабочаго против буржуазной формы эксплуатаціи его труда. С этого момента на историческую арену выступает рабочее сословіе, выразителем мнѣній и стремленій котораго в научной формѣ является социализм. Лучшіе передовые люди на западѣ отказались в настоящее время от идеалов политической свободы, как отживших свое время, и избрали своим лозунгом социализм, во имя котораго они организуют, спланивают и готовят массы.

Задачи их—реорганизація экономических и общественных отношеній при посредствѣ народа и самим народом.

Если для вас неубѣдительны выше-приведенные мной факты из европейской исторіи, то я попрошу вас вспомнить кое-что из исторіи польских движеній, особенно послѣдняго времени. Главная тенденція этих движеній—политическая независимость Польши, казалось, должна была бы обѣщать полный успѣх инициаторам.

Политически-національная независимость во всяком случаѣ принцип слишком понятный для народа, чтобы не откликаться на него, чтобы не возстать во имя его. Образованіе в новѣйшее время независимаго итальянскаго королевства, автономія Венгріи, независимость Румыніи, Черногоріи, Сербіи и пр.,—все это факты, говорящіе в нашу пользу.

Отчего же польскія возстанія окончились так плачевно? Главная, по нашему мнѣнію, причина заключается в том, что поль-

скіе заговоры, агитаціи по преимуществу ограничивались привилегированным и городским сословіем. Масса же польскаго и литовскаго крестьянства не была приобщена к этим движеніям. Партія «бѣлыхъ», состоявшая главным образом из знатных и богатых дворян, вообще была всегда очень умѣренная и только впоследствии, когда движеніе разрослось, она пристала к нему. До крестьян этой партіи никакого дѣла не было: по своим традиціям дворянским, она слишком презирала это «быдло», чтобы об нем думать, и слишком высоко цѣнила свои сословно-дворянскіе интересы.

Партія «красныхъ», состоявшая из интеллигентной молодежи, сразу поставила вопрос как слѣдует: она поняла, что масса только тогда станет за них, когда ей обезпечат необходимыя экономическія льготы. А отсюда понятно, почему «красные» потребовали освобожденія крестьян от [10] крѣпостного права и надѣленія их землею без всякаго выкупа. К сожалѣнію, «красные» сосредоточили свою дѣятельность в городѣ, гдѣ их сторонниками были ремесленники, фабричные и заводскіе рабочіе. Если бы «повстанцы» догадались организовать крестьянство, то успѣх возстанія был бы несомнѣнен. Нетолько русское правительство, но и союз трех сосѣдних государств вряд-ли могли бы что либо сдѣлать с партизанским народным возстаніем.

Если опыт Западной Европы неизбѣжно приводит нас к отрицанію идеалов политической свободы, как средств, способных осуществить народныя желанія, то собственная наша исторія приводит нас к тому же, но иным путем. Спокон веку наша исторія шла таким образом, что между государством и народом не образовались и не могли образоваться промежуточныя, самостоятельныя общественныя группы. Наша исторія выработала лишь двѣ самостоятельныя враждебныя одна другой силы—государство и народ.

Отсутствіем указанных промежуточных групп и объясняется бѣдность нашей общественной жизни. Общественное мнѣніе, как выраженіе преобладающаго в данное время направленія, у нас едва теперь зарождается. До этого у нас были отдѣльныя лица, группы лиц,—кружки того или другого направленія, с тѣми или другими оттѣнками. Эти лица или кружки, не имѣя опредѣленных сословных традицій, то приставали к госу-

дарству, служа ему непосредственно—во вред народу, то стояли особо, образуя центр, вокруг котораго группировалось все молодое, честное и интеллигентное. Задачи и цѣли этих кружков, широта их умственного кругозора, круг их дѣятельности, естественно, должны были измѣниться со временем и сообразно тѣм условіям, посреди которых им приходилось существовать.

Но не смотря на это видимое различіе кружков, в них нельзя не замѣтить общаго, так сказать, основного тона. Этот основной тон выражается в том стремленіи к умственному развитію, которое составляет характерную черту всѣх наших кружков в разныя времена. Таковы были, напр., кружки Новикова, во времена Екатерины и кружки Станкевича и Бѣлинскаго в новѣйшее время, умственныя завоеванія, сдѣланныя западно-европейскою наукою в разнообразных сферах знанія, а особенно в социологіи, усилили умственное броженіе наших кружков, пробудили в них критику мысли в опредѣленном, социальном направленіи. Раз мысль начала работать в этом направленіи, она неизбѣжно должна придти к отрицанію современных государственных и общественных форм, как тормазов нормальнаго развитія отдѣльных личностей и масс.

Из кружков, таким образом, исключительно «самообразованія», «саморазвитія» с теченіем времени вырабатываются группы с опредѣленными политически-экономическими тенденціями. Являются кружки радикальныя. Из области толкованій, прений и самоуясненій они переходят в сферу практической дѣятельности—они становятся революціонными. Таковы были кружки Декабристов и Петрашевцев. Первые имѣли характер по преимуществу политическій, вторые—экономическій. Декабристы, проникнутые политическими идеалами французских революціонеров, задумали, подобно им, государственный переворот с цѣлью освобожденія Россіи от ненавистнаго им правительственнаго гнета. Это был первый и единственный въ нашей исторіи строго-задуманный план военнаго заговора. Сомнительно, чтобы они, в случаѣ даже полнаго успѣха, сумѣли удержаться на высотѣ своих задач и стремленій. Мы видѣли, к чему привел якобинизм в Европѣ. Дальнѣйшая исторія нашей радикальной мысли есть исторія развитія нашей революціонной партіи, задачи и стремленія которой болѣе или менѣе извѣстны.

Из этого бѣлаго очерка явствует, что нашею прошедшею исторіею созданы такія условія, в силу которых дѣятельность лучшей части нашей интеллигенціи должна была, по необходимости, получить двоякое направленіе: либо служить правительству, либо стать о с о б о, — воспитывая и возбуждая вначалѣ лишь общественное самосознаніе, а в послѣдствіи, с дальнѣйшим развитіем критики мысли, — и н а р о д н о е. Но становясь на сторону народа, она естественно должна была сдѣлаться носительницею его идеи, которая во всяком случаѣ не могла быть политической, или же потерпѣть полное фіаско, как это было, напр., на Западѣ.

Вы, конечно, теперь легко можете убѣдиться, что мы сами заражены тѣм непріятным для вас «предразсудком», который отрицает политическую борьбу и политическіе перевороты. Впрочем, считаем нужным оговориться. Мы возстаем против полит. борьбы не безусловно, а ставим ее в зависимость от предварительной революціонной работы в народѣ. В отношеніи к Россіи необходимость этого способа дѣйствія доказывается, по нашему мнѣнію, почти математически. Скажите, каким образом вы думаете осуществить политическій переворот в Россіи? Думаете-ли опереться на какія-либо сословія или же на собственные силы — силы партіи? Кромѣ заговоров — дворцоваго и военнаго, — мы не видим других путей для осуществленія политическаго переворота у нас в настоящее время.

Что касается дворцоваго заговора, то мы убѣждены, что вы не станете и рук своих марать в этой грязной работѣ.

Какое значеніе имѣют и к чему могут приводить военные революціи, мы уже неоднократно говорили. Россія в этом случаѣ не может быть исключеніем. Романовы, надѣмся, не откажутся без борьбы, если такая понадобится, от своих «Божіею милостию» прав. Для них вдоволь хватит у нас реакціонных элементов во всѣх сферах, чтобы с их помощью устроить контр-революцію и подавить заговор. Что за этим послѣдует — извѣстно. На другія же сословія, кромѣ военнаго, вряд ли вы сами разсчитываете. Это, по крайней мѣрѣ, явствует из ваших собственных слов, из той характеристики, которую вы даете современному государству нашему. Дворянство, молодая наша буржуазія, литераторы, ученые и пр. не имѣют у нас пока никакой самостоятельной силы, а составляют лишь неотдѣлимую часть нашего

государства, с которым они связаны болѣе или менѣе искренно общими интересами. Они слишком пассивны, неопытны в борьбѣ, безпринципны — кромѣ принципа наживы, — чтобы рисковать своим привилегированным положеніем, своим кошельком ради борьбы с правительством, котораго они спокон вѣку покорно слушались. Остается наша молодая интеллигенція и многія отдѣльныя личности разных сословій и положеній. Они-то и составляют главный контингент нашей революціонной партіи, ими она восполняется и растет.

Спрашивается: что может сдѣлать эта, сравнительно, немногочисленная группа, полная энергіи и рѣшимости, [11], вѣрующая в себя и в свои принципы, в смыслѣ захвата власти, политическаго переворота?

Не знаю, товарищи, представляете ли вы себѣ это конкретно. Единственное орудіе ея борьбы — это систематическая терроризація правительства, в роде той, которая так ловко практиковалась польским «жондом» в послѣднем возстаніи.

Но исторія послѣдняго доказала, что кинжал революціонеров — недостаточно устойчивая точка опоры для зданія не только политической свободы, но и національной независимости.

Положим даже, что вам повезет, почему бы то ни было, — ведь вся ваша система террора основана на случайностях, — тогда правительство, напуганное и смущенное, вынуждено будет пойти на уступки, согласиться созвать «обывателей», допустить Земскій Собор, словом, даст конституцію. Не знаю, товарищи, задумались ли вы крѣпко над тѣм, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа (ведь вы все это, конечно, дѣлаете для «народа») могут возникнуть из этого вновь созданного вами положенія вещей? Вы потому именно теперь так сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы с правительством и на необходимости конституціоннаго режима, что желаете, во-первых, задержать у нас процесс образованія буржуазіи, как экономическаго и политическаго класса, и, во-вторых, очистить путь для болѣе плодотворной дѣятельности в народѣ. Но поймите, что, дѣйствуя теперь таким образом, вы фатально, помимо своей воли, добиваетесь совершенно противоположнаго! Правда, наша буржуазія, как политическая сила, пока находится лишь в потенціональном состояніи. Но, слабая поли-

тически, она в настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и других социальних групп—составляет единственную солидную силу. Правительство в настоящее время принимает всѣ мѣры, для увеличенія роста ея. Покровительственный тариф, система внутренних займов, субсидии на железно-дорожныя и другія крупныя предпріятія,—это первоначальное капиталистическое накопленіе совершается с вѣдома правительства, для него самого и для излюбленнаго его дѣтища—буржуазии.

Кромѣ этой непосредственной помощи, правительство способствует ея развитію и косвенно—цѣлым рядом законодательных мѣр, клонящихся къ «упраздненію» общины. Общинное землевладѣніе, очевидное дѣло, стоит на дорогѣ нашему буржуа, надо его, значит, убрать. Каковы тенденціи нашей буржуазии, привожу нѣсколько крупных фактов из нашей недавней общественной жизни.

В 1870 г. петербургское земство ходатайствовало о введеніи подворнаго владѣнія, а в 1872 г. мнѣнія большинства лиц, выслушанных комиссіею для изслѣдованія сельскаго хозяйства, высказались в этом же смыслѣ. Наконец, разосланные в 1878 г. въ присутствіи по крестьянским дѣлам вопросы о способах замѣны общиннаго владѣнія подворным, доказывают, что заключенія комиссіи приняты во вниманіе. В настоящее время, кажется, вошло уже в силу правительственное постановленіе, которым облегчается выход общинника из общины.

Развѣ не характерно заявленіе московской биржи, недавно поданное Грейгу о том, чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія правительства совершались с ея вѣдома, сообразно ея интересам?

Всегда осторожная, боящаяся всяких заговоров и смут, буржуазія наша, тѣм не менѣе, прекрасно съумѣет воспользоваться тѣм переполохом, который вы намѣрены произвести. Когда понадобится, она обнаружит немало энергіи, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ея требованія в законную форму. Да и теперь уже большинство наших ученых и публицистов, за весьма немногими исключеніями, работают в пользу буржуазии. Возьмите, напр., хоть бы «Труды» разных наших комиссій, проекты вольно-экономическаго, ссудо-сберегательнаго и других обществ, чтобы убѣдиться в том, что буржуазная тенденція, если не сказать

наука, вполне сложилась у нас и что она ждет лишь политической арены.

Вот эти-то люди—ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе хищники и проч., и проч.—имя им легион—с остервененіем набросятся на тот «общественный пирог», который будет преподнесен им Александром II, или Александром III, или же временным революціонным правительством—все равно, под видом конституціи.

В то время, как эти жадныя акулы будут пожирать и упитываться этим «пирогом», вы будете стоять в сторонѣ и... злобствовать.

Народ же не станет за конституцію, как это было всегда и повсюду. Вы разсчитываете на избирательную агитацію, на депутатов, которые будут представлять крестьянство; напрасно, и вот почему: когда совершится переворот сверху, народ будет захвачен врасплох. Правительственная перемѣна, без всякаго сомнѣнія, вызовет в нем сильное броженіе. Начнутся, как это обыкновенно бывает, самые разнообразныя толки, имѣющіе непосредственное, разумѣется, отношеніе къ его земельным интересам, будут, может быть, посылаться прошенія, ходаки. Могут даже быть мѣстные бунты и всякаго рода «нарушенія общественной тишины». Словом, движеніе будет сильное, но не настолько, чтобы оно послужило в пользу народу. Что же из этого выйдет? В этом хаосѣ воспользуются прежде всего враждебныя народу элементы, как это было и всегда.

Вспомните, напр., исторію крестьянских приходских наказов перед началом великой революціи. Как их фальсифицировали, урѣзывали и передѣлывали в средних и высших инстанціях. Весьма также интересна в этом отношеніи недавняя еще исторія плебесцита во Франціи. А какова избирательная система в Великобританіи, мы ссылаемся на рѣчь Гладстона, произнесенную им въ парламентѣ в 1872 г. по поводу ирландскаго земельного билля. В этой рѣчи оратор констатирует фактъ, что в Англіи и в Ирландіи помѣщик принуждает фермера, под страхом изгнанія его с арендуемаго им участка земли, подавать голос во всѣх общественных и парламентских выборах по приказанію лорда-вотчинника.

Подобная же система выборов будет несомненно практиковаться и у нас, как это уже и теперь происходит в небольшом видѣ при выборах земских и городских гласных. Какую роль играет народ в этих собраніях—прототипах будущаго Земскаго Собора—слишком хорошо всѣм извѣстно. В городѣ в Земскій Собор попадает богатый, вліятельный купец, в деревнѣ в большинство случаев—богатый, «знатный мужик»—«хозяйственный мужичек»,—[12] надежда и радость наших либеральных публицистов и станowych приставов, которые с рѣдким единодушіем относят ожиданіе чернаго передѣла к числу «исторических предразсудков нашего народа». В число депутатов от крестьян попадет также мѣстный землевладѣлец—«барин». Всѣ эти люди попадут главным образом вслѣдствіе экономической от них зависимости населенія: подкуп, интрига и систематическое спаиваніе или прямое запугиваніе выступают тогда в полном блескѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что попадут в Земскій Собор и честные люди, представители крестьянских интересов, но таковых, по необходимости, будет так мало, что вліяніе их останется ничтожным.

Вы указываете на Галицію, гдѣ в 1848 г. представителей от крестьян было много в рейсхратѣ. К сожалѣнію, вы не приводите числового отношенія этих дѣйствительных представителей крестьянских интересов к фиктивным; а без этого трудно судить об участіи галиційских крестьян в избирательной агитациі, а, слѣдовательно, и о значеніи этой агитациі. Сколько бы их ни было, присутствіе их во всяком случаѣ не помѣшало галичанам поддерживать реакціонную политику вѣнскаго правительства, политику, которую вы, товарищи, едва ли рѣшитесь назвать выражавшею интересы галиційскаго народа.

Раз мы признали, что избирательная агитациа, при указанных выше условіях, будет вестись у нас неправильно, мы, конечно, не можем придавать какое-либо серьезное значеніе Земскому Собору, как выразителю народной воли, а слѣдовательно, и той конституціи, которая будет продиктована этими представителями. Так я смотрю на нашу конституцію, всякую, которая добывается тѣм способом, какой вы рекомендуете. Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще против конституціи, против политической свободы.

Я слишком уважаю человѣческую личность, всех честных и искренних людей, чтобы быть против политической свободы.

Как на Западѣ, так и у нас стремленіе к политической свободѣ есть результат нашего прогрессивнаго умственнаго развитія, продукт нашего общественнаго самосознанія—понятіе вполне определенное, оформленное и ясно сознаваемое.

Для народа политическая свобода есть инстинктивное стремленіе к свободѣ вообще, она у него всегда и непременно ассоциируется с каким-нибудь конкретно-осоздаемым представлением—фактом (право равнаго пользованія и владѣнія землею, право каждаго человѣка пользоваться продуктами своего труда, право каждаго взрослого рабочаго участвовать в обсужденіи общественных вопросов и проч.). Слѣдовательно, говорить что идея политической свободы для народа—вещь непонятная ненужная—не резон. Она для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигентнаго. Разница в том, что эта потребность у народа сростается с другими, болѣе насущными, основными потребностями экономического свойства. Эти-то послѣднія должна принять в резон каждая соціально-революціонная партія, если она желает, чтобы политическая свобода была вполне обезпечена и гарантирована от узурпацій и искаженій враждебных ей элементов. А это может быть достигнуто лишь организаціей в народѣ боевой партіи на почвѣ экономических отношеній, как их понимает народ.

Задачи такой партіи: готовить умы, средства и орудія борьбы—в мирное время; регулировать, направлять движеніе—в революціонное. Чѣм раньше такая народная партія съорганизуется, тѣм вліятельнѣе она будет в момент революціи, тѣм больше она будет имѣть шансов утилизировать ее в интересах народа. Для такой дѣятельности, понятно, требуются люди с извѣстной выработкой характера, способные приспособляться к народной средѣ, организовать, сплачивать народ,—словом, требуется тип народнаго организатора-революціонера.

Если этот тип пока и рѣдкость в нашей средѣ, то отчаиваться этим особенно не слѣдует; он выработается практикой, опытом, как это бывает во всякой дѣятельности. Притом мы вовсе не думаем, чтобы вся тяжесть револ. дѣятельности в народѣ лежала бы исключительно на интеллигенціи.

Наша роль в народѣ — по преимуществу инициаторская, все остальное должно дѣлаться самим народом, лучшими его представителями. Народ же давным давно выработал этот тип. Я говорю о тѣх протестующих элементах, которые во всякое время можно найти в народѣ—будь это сектатор в родѣ Никиты Семенова или же ловкій смысленный агитатор в родѣ Прядко. Как энергично, ловко ведут свои дѣла эти народные организаторы, можно видѣть, напр., из недавно помѣщенной, кажется, в «Молвѣ», корреспонденціи из Вологодской губ. о сектантѣ-бѣгунѣ 20 лет, проповѣдывавшем свое теологически-анархическое ученіе в своем родном селѣ в виду начальства. О другом подобном же типѣ я собрал недавно самыя вѣрныя свѣдѣнія. Это—женщина-шалопутка, нѣсколько лѣтъ пропагандировавшая на далеких окраинах Россіи, а в настоящее время она продолжает ту же работу в одной из центральных губерній. Эти типы и созданныя ими организаціи могут служить лучшим отвѣтом тѣм из наших скептиков, которые слишком мало вѣрят в народную самодѣятельность.

Этот скептицизм обыкновенно происходит либо от недостаточнаго знанія народной жизни, либо от преднамѣреннаго игнорирования хороших ея сторон. А между тѣм нѣтъ предразсудка болѣе вреднаго, болѣе опаснаго, чѣм этот. Обыкновенно думают, что «сѣрая» народная масса совершенно однородна, и по двум-трем фактам позволяют себѣ дѣлать обобщенія. Люди, жившіе нѣсколько с народом, знают, какое громадное разнообразіе в привычках, взглядах, в степени умственнаго развитія и способности к активному протесту представляет этот народ в предѣлах даже одной волости. Такая разнородность массы составляет, по нашему мнѣнію, самое благопріятное условіе для революціонной дѣятельности.

Настоящій момент мы считаем наиболѣе благопріятным и необходимым для этого. Правительственный гнет, правда, поставил нам на пути новыя препятствія, но они не непреодолимы. Если трудно дѣйствовать в извѣстном положеніи, то можно выбрать многія другія, менѣе уловимыя для правительственнаго надзора. Напрасно вы думаете с автором «письма из деревни», что теперь созданы в деревнѣ такія условія, при которых революціонная дѣятельность крайне непродуктивна, так что при-

ходится «биться об народ, как рыба об лед». Единственный вывод, который, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать из письма вашего автора, это то, что в настоящее время нельзя заниматься культурною дѣятельностью, так как приходится каждую минуту открыто сталкиваться с такими [13] элементами, для которых эта дѣятельность помѣха. Но я спрошу: развѣ революціонеру необходима такая дѣятельность, чтобы о ней печаловаться? Пусть об этом плачутся культур-трегеры! Революціонер же всегда и при всяком правительствѣ найдет поле для своей дѣятельности—это тайная, подпольная агитація. Развѣ метерниховская реакція помѣшала организаціи массѣ тайных обществ в Испаніи и Италіи? Развѣ у нас военное положеніе мѣшает дѣятельности городского террора?

Нам кажется, товарищи, что вы слишком уж мрачно смотрите на деревенскую дѣятельность, слишком мало вѣрите в способность народа к революціонной организаціи.

Вы не вѣрите в народ, вы не вѣрите в революцію! Но что значит, спрошу вас, не вѣрить в революцію? Развѣ можно не вѣрить в то, что есть явленіе естественное, историческое и необходимое? Даже такіе спокойные, объективные историки, как Шлоссер и Циммерман, и то вѣрят в неизбежность революціонных движеній. Да иначе и быть не может. Пока будут существовать такія ненормальныя общественныя отношенія, при которых большинство будет эксплуатироваться меньшинством, пока существует антагонизм, рознь интересов, до тѣх пор, говорим мы, разнаго рода противорѣчія могут быть разрѣшены не иначе, как революціонным путем. Если внимательно наблюдать общественныя явленія, то между ними можно всегда открыть такіе симптомы, на основаніи которых можно с нѣкоторою вѣроятностью диагностировать приближеніе революціи. Надо только имѣть глаза, чтобы видѣть, и уши—чтобы слышать.

Так как революція обыкновенно подготавливается исподволь, то можно замѣтить некоторую постепенность в явленіях. Сначала, пока паталогическія явленія еще слабы, в массѣ обладает настроеніе мирное, желаніе порѣшить многія недоразумѣнія соглашеніем, законным путем. Это—період пассивнаго протеста (посылка ходяков, прошеній и челобитных всякаго рода).

Второй период—период активного протеста—начинается тогда, когда вѣра в законный путь утрачена, когда одновременно с этим паталогическіе процессы обострились. Этот период проявляется увеличеніем числа преступленій против собственности, разнаго рода аграрными преступленіями, наконец, болѣе или менѣе крупными спорадическими бунтами. Этот же период обыкновенно бывает богат разнаго рода толками и «превратными слухами», волнующими и возбуждающими народ.

Наконец, когда всѣ противорѣчія, экономическія, общественныя и государственныя доходят до крайней степени своей интенсивности, тогда всѣ мелкія, изолированныя движенія быстро, почти мгновенно, под вліяніем случайной искры, объединяются и сливаются в одно разрушительное революціонное движеніе. Это третій период—революціонный. Для революціонной партіи, в подготовительном смыслѣ, самый важный период—это второй. В этот период партія должна напречь всѣ свои усилія, всю свою энергію, чтобы во что бы то ни стало организовать революціонную партію в народѣ. В противном случаѣ она рискует быть застигнутою, как «тать в ночи», т. е. не воспользоваться результатами революціи. Необходимость этой партіи во второй период важна еще в том смыслѣ, что партія может значительно ускорить исход его, бросить ту искру, которая нужна для революціоннаго пожара. Она может, если это найдет нужным, часть сил отрядить в город.

Крупный террористическій поступок в городѣ в извѣстный момент может быть очень кстати. Неожиданный, смѣлый удар сверху, цѣлый ряд систематических нападений снизу разрушат старый экономическій и государственный строй, и на развалинах его воздвигнуто будет новое, созданное самим народом общество. Какова будет форма новаго общества, и как скоро и быстро совершится процесс разрушенія стараго, мы об этом пока говорить не будем. Но что мы в настоящий момент переживаем второй критическій период, мы в этом глубоко убѣждены.

Положеніе нашего крестьянства, по сознанію даже легальной литературы, поразительно напоминает собою положеніе французских крестьян в концѣ XVIII в., наканунѣ революціи.

Все остальные симптомы, которыми характеризуется второй период, выражены теперь очень ясно.

Ближайшею задачею нашею, слѣдовательно, должна быть организація теперь той народно-боевой партіи, о значеніи которой мы уже говорили.

Если мы этого не сдѣлаем, если мы к этому не подготовим народ, революціонное движеніе, как всякое стихійное движеніе, может пройти грозою через всю Россію, не принося народу ничего существеннаго. Революціонная партія, которая отказалась бы теперь от народа, стала бы партіею застоя и реакціи.

Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производит на нас теперешнее положеніе революціонной мысли. Под вліяніем исключительных условій минуты люди фактически отказываются от живых, признанных наукою принципов, ради будто «новых», но в сущности давным-давно отживших и отвергнутых наукою. И люди вздумали расходиться в самый критическій момент как партіонной, так и народной жизни.

8 декабря 1879 года.

ЧИГИРИНСКОЕ ДѢЛО.

Крестьянское общество «Тайная Дружина».

(Опыт революціонно-народной организаціи).

Не стану входить в подробное изложеніе экономическаго положенія крестьян Чигиринскаго уезда: с одной стороны оно выдается своею особенностью в ряду большей части мѣстностей нашего отечества, с другой—цѣль этой записки: представить мой образ дѣйствій в попыткѣ создать революціонную организацію в народѣ. Как извѣстно из судебного процесса 17 іюня 1877 г. («Кіевлянин», фельетон—«Чигиринское дѣло»), волненія чигиринских крестьян возникли еще в 70-х годах из-за требованія душевой разверстки земли, вмѣсто бывшей участковой. Люстраціонныя комиссіи, снаряжавшіяся правительством для улаженія крестьянских дѣл, давали только повод к усиленію этих волненій. Произвол в нарѣзкѣ участков, потворство извѣстному грабителю общественных земель—миров. постр. Шущерину, фактическое запрещеніе переселеній (выселяться разрѣшено было только бобылям, т. е. безземельным, а таких в полном

смыслъ слова в этой мѣстности не [14] существовало) и, самое главное, принужденіе к участковому владѣнію землею всѣх крестьян—побудили большую часть послѣдних отказаться от составленных комиссіями люстраціонных актов. В крестьянствѣ распространилось глубокое убѣжденіе, что дѣйствія и постановленія комиссій противны волѣ царя, которому приписывались намѣренія, совершенно тождественныя с желаніями крестьян. Желанія эти в началѣ не шли далѣе разверстки на души тѣх только земель, которыя входили в предѣлы дач волнованных сел; но мало-по-малу, благодаря слухам, разносимым богомольцами и разным другим прохожим и бывалым людям, крестьяне стали сильно сомнѣваться в законности поземельных платежей и вѣрить в существованіе неприведеннаго в исполненіе царскаго указа об отнятіи от помѣщиков всѣх земель и об увеличеніи вслѣдствіе этого душевого надѣла до 15 дес. В числѣ множества легенд, распущенных в народѣ, особенной популярностью пользовалась слѣдующая. Царь поспорил с министром (каким—неизвѣстно); первый утверждал, что большинство крестьян желает душевого (общиннаго) владѣнія землей, второй—что участковаго. В доказательство своей правоты министр предложил сдѣлать перепись желающих того и другого способа земельной разверстки, и если он, министр, останется прав, то царь обязывается всѣх участковых подарить ему. Исторія, рассказанная в этой легендѣ, приобрѣла такую несомнѣнность, что крестьяне говорили губернатору, явившемуся по поводу волненій в с. Шабельники: «Мы цареви и не хотим бути за министром, бо вже добре знаємо, як то бути пид панамі». Сначала крестьяне ждали губернатора, в увѣренности, что он рѣшит дѣло в их пользу; но должны были убѣдиться в противном и рѣшили доставить непосредственно самому царю прошеніе с жалобою на беззаконіе властей (это были волости: Шабельники, Боровица, Адамовка, Мудровка, Чаплище, Цвитпа, Новоселица). Во главѣ семи ходаков стоял извѣстный Оома Прядко, легенды о котором далеко не соотвѣтствуют личным его качествам, как пришлось мнѣ убѣдиться в тюрьмѣ. Ходаков перехватили на дорогѣ (кромѣ Прядко, успѣшного скрыться) и по этапу препроводили во-свояси. Это еще болѣе укрѣпило убѣжденіе, что чиновники представляют царю ложныя свѣдѣнія о цвѣтущем

будто бы положеніи крестьян и оберегают его от непосредственных сношеній с послѣдними. Крестьяне еще тверже стали упорствовать: не хотѣли вносить поземельных платежей и наотрѣз отказали губернатору, явившемуся (в маѣ 75 г.), во главѣ экзекуціи, подписаться на участковые надѣлы. Меньшинство, болѣе наивное, поддалось на слѣдующую удочку: мировой посредник прочел им резолюцію министра и заявил, что это, мол, такая бумага, которую достаточно выслушать, чтобы отказ на участки не имѣл уже никакой силы; большинство разбѣжалось, а оставшіеся на сходкѣ поддались этому аргументу и подписали. Так рассказывали нѣкоторые из этой группы. Немало дѣйствовали на крестьян и подстрекательства Прядко, что их желанія и царева воля одно и то же, а также разносимые прохожим людям слухи о вышедшем будто бы, но скрытом панами, царском указѣ, которым повелѣвалось отнять у помѣщиков всѣ земли и надѣлить ими душевым способом всѣх крестьян. Появились и мѣстные экзальтированные фанатики, публично толковавшіе о божественных видѣніях, свидѣтельствовавших им о правотѣ их дѣла; такова, напр., Евдокія Лихошерстова. В маѣ мѣсяцѣ 75 г., как я уже сказал, были наконец употреблены экзекуціонныя мѣры*). Это была поистинѣ баши-бузукская расправа. Губернатор подзывал каждаго и спрашивал, согласен ли он подписаться на участковый надѣл; послѣ отказа приказывал валить на землю и сѣчь. Двоих засѣкли до смерти. Первые избиенія были так чувствительны, что многіе поколебались и уступили, но большинство устояло. Экзекуція этим не ограничилась: приступлено было к описи и распродажѣ имущества для пополненія накопившихся недоимок. В ближних селах не хотѣли раскупать награбленнаго крестьянскаго добра; пришлось чинить распродажу подальше от мѣст волненій (в м. Смѣлѣ, напр.). Шабельницкая волость была разорена до крайности; солдаты, водворенные здѣсь на постоѣ в январѣ 76 г., для окончательнаго усмиренія, довершили разореніе. Около 100 хозяев были разосланы по тюрьмам. К этому бѣдствію присоединилась непримиримая вражда двух еще до экзекуціи существовавших сторон: душе-

*) Экзекуція была только в Шабельницкой вол. (села: Шабельники, Мордва, Погорѣльцы).

виков и участковых (они же и «ахтовые», подписавшіе люстраціонные акты). Душевики отказались от земли совсѣм, если правительство не хочет допускать душевую ея разверстку; поэтому вся, прежде бывшая во владѣніи душевиков, земля, подѣленная на участки, сдана была в пользованіе подписавшим акты люстраціонной комиссіи. Послѣ этого, понятно, враждебное отношеніе душевиков к пайщикам.

Нельзя было не замѣтить, что в дѣлѣ волненій крестьяне руководились побужденіями чисто реального свойства. Так, за участковый надѣл (не менѣе 12 дес.) оказались семьи, не изобиловавшія числом ревизских душ, вслѣдствіе чего душевой надѣл не представлял для них в суммѣ количественнаго перевѣса над участковым. За душевой надѣл стояли семьи с 4, 5 и болѣе ревизскими душами. Мировой посредник лишил душевых права голоса на сходѣ. Актовые (участковые или пайщики) шпиюнили и доносили начальству, что творится между душевиками; подстрекаемые становым приставом, они устроили ночные обходы с цѣлью выслѣживать, нѣтъ ли между душевыми сборищ, каких-нибудь толков, чтенія бумаг и т. п. Вражда достигла такой степени, что в церкви душевые (общинники) стояли отдѣльно от пайщиков, а встрѣчи на улицѣ часто не обходились без ссор и драк. Рельефно сказывается рознь этих партій в слѣдующем фактѣ. Войдя под вечер в Шабельники (зимой в 75 г.) и желая разузнать, гдѣ хата Л-ря Т-ки, я обратился к первому встрѣчному мальчику 6—7 лѣтъ; он недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и спросил: «А на вищо вам Л-ря Т-ка?» (один из ярых душевиков, арестованный). Я назвалъ его родичем. «Якій же вы ему родич?» Я сказал какой и с какого села, что отвѣчало дѣйствительности. «Так вы небож его!» удивился мальчик. «Чуете-ж, дядечку, начал он шопотом, не идите цим кутком, хоть воно и блыще, бо тут усе пайковѣ, як забачуть, певне в волость попрутъ; идите сиею стежкою, огородами, выйдете на куток душовых, там усяк вам покаже». И он вывел меня на тропинку в лозах, по набережью Днѣпра.

Ограбленные, раззоренные экзекуціей крестьяне не падали духом; они твердо надѣялись, что так или иначе, а царь узнает, как незаконно обошлись с ними и, разумѣется, удовлетворит их за всѣ перенесенныя ими обиды от начальства. Они глубоко сожальали, что нѣтъ ни средств [15], ни людей для вторичнаго

снаряженія ходаков; лучшіе из крестьян—в тюрьмах; семейства их, лишившись хозяев, обѣднѣли до того, что питались побирательством (так было уже в 76 г.); дѣти «пухли от голоду», как говорили сами крестьяне. При всем том, малѣйшій слух, подающій надежду, таинственно сказанное слово—возбуждали бодрость и рѣшимость стоять на своем, не подписываться на участки, не платить оброка. Вѣра, что сам царь непременно пріѣдет в обиженные волости и накажет незаконных чиновников, упорно держалась. Начальство понимало, какое вліяніе оказывают на крестьян разносимые прохожим людям слухи, а потому, напр., в Шабельниках и Боровицѣ всякаго прохожаго тащили в волость и «удостовѣрялись в его личности» обысками.

При таких условіях не было возможности основаться нашему брату в которой-нибудь из волновавшихся деревень, чтобы непосредственно слѣдить за ходом и характером движенія и, соотвѣтственно нашим цѣлям, вліять на крестьян. Приходилось ограничиваться столкновеніями с крестьянами в ближайших заводах, в монастырях, или просто в степу. Увѣренность крестьян, что намѣренія царя непременно согласны с желаніями народа, была до такой степени упорна, что заставляла меня видѣть заранѣе полнѣйшую бесполезность доказывать противное. «Нехай царь приде и велить нам на участки,—ми против царьского слова не пидемо, держимся ж за душевий, бо знаем, що така царьска воля», часто приходилось мнѣ слышать. Естественное исканіе какой-нибудь поддержки в надеждѣ на осуществимость своих завѣтных желаній, благодаря извѣстной послѣдовательности событій нынѣшняго царствованія, сложило народную логику так: царь вызволил крестьян из панской неволи; за это паны три раза покушались на его жизнь. Недаром же царь вызвал против себя такое ожесточеніе дворян: значит, он за крестьянство стоит и, значит, не хотѣлъ ограничиться дарованіем одной воли, а дал и землю в количествѣ, желаеом народом, и без всякой за нее платы. Это убѣжденіе обусловило и пассивность крестьянскаго протеста, и нежеланіе их преступать границы легальности: покажите, мол, нам настоящій закон за царскою печатью—мы безпрекословно подчинимся ему, а не то дѣлайте с нами, что хотите, мы все перенесем; но вы, мол, понесете достойную кару от заступника нашего—царя.

Упорство крестьян поддерживалось главным образом тѣми из них, которые, в количествѣ 100 чел., содержались по уѣздным городам при полицейских управленіях, пользуясь однако свободой: днем они имѣли право отыскивать себѣ работу в городѣ, а на ночь являлись в часть (Прядко содержался в замкѣ, в секретной). Казенной пищи им не отпускалось, работу не всегда можно было найти, так что нерѣдко они, шатаясь по городу, просили милостыню. Каково же было с их семьями, лишенными имущества, земли и главных рабочих рук—хозяина! И при всем том на частыя увѣщанія полицейскаго начальства «дать подписку» (на участки) и идти домой они отвѣчали отказом. В нѣкоторых уѣздах, впрочем, власти были настолько гуманны, что отпустили крестьян к своим семьям без «подписки», под надзор мѣстной (Чигиринской) полиции, без права выѣзда из предѣлов своего уѣзда. Зато в Сквирѣ смотритель тюрьмы (в Сквирѣ нѣкоторые были заключены) употреблял крестьян, как рабочий скот: Д. Г-ко и С. Ш-ко, запряженные в плугѣ, пахали его поле. В Кіевѣ (9 чел.) просили губернатора пустить их домой, или же, по крайней мѣрѣ, отпускать им казенное продовольствіе, и получили такой отвѣтъ: «Пока не подпишетесь — пропадете в Кіевѣ; а казенной пищи бунтовщикам не полагается: бунтовщик хуже разбойника». «Нехай нас хоть в Дніпрі потоплять, а не підпишемося», говорили крестьяне; они вѣрили, что прежде чѣм дойдет дѣло до потопленія их в Днѣпрѣ, царь провѣдает про них и вызволит из бѣды. Таково было сопротивленіе чигиринцев властям.

Я задался цѣлью прежде всего внести в этот тупой протест революціонный элемент: возбудить сознание необходимости активного образа дѣйствій, внушить надежду не на постороннюю помощь, а единственно на свои собственные силы. Короче, на значительно уже подготовленной почвѣ я задумал попытаться создать революціонную организацію, на знамени которой были бы начертаны желанія народа—«Земля и Воля», желанія, к которым нам пока нечего прибавлять. Конечною цѣлью тайнаго крестьянскаго общества должно было быть возстаніе.

Надѣяться хоть на нѣкоторое осуществленіе этой задачи, по моему мнѣнію, возможно было, только руководясь слѣдую-

щим началом: приноравливаться в своем образѣ дѣйствій к характеру крестьянскаго міросозерцанія, не вносить ничего такого, что переворачивало бы вверх дном тѣ основы, с которыми сжился и к которым привык народ, быть, так сказать, радикалом постольку, поскольку им может быть крестьянин. Исходя из этого общаго положенія, мнѣ нужно было принять во вниманіе и тѣ мѣстныя частности, которыя я вынес из моих наблюдений; они, эти мѣстныя условія, обязательно начерчивали мнѣ общую программу моих дѣйствій в преслѣдованіи своей задачи.

В концѣ 75 г. крестьянская злоба дня заключалась в вопросѣ, как дать знать о себѣ царю.

Наиболѣе вліятельные из крестьян были размѣщены по уѣздным городам; необходимо было прежде всего заручиться их довѣріем. В Кіевѣ при полицейском управленіи состояло 11 человек, в числѣ которых был нѣкто Л. Т-ка, о котором я слышал раньше. Это был один из самых зажиточных хозяев, бывшій волостной судья, и человек уже пожилой. В семьѣ его числилось всего двѣ ревизских души, и это обстоятельство, казалось, не представляло ему никакой личной выгоды стоять за душевой надѣл, тѣм болѣе, что, будучи хозяином богатым и вліятельным, он всегда мог получить участок в 20 и болѣе дес., чему много было примѣров. Однако же Л. Т-ка был из числа особенно упорно стоявших за душевую разверстку и, как волостной судья, не мало вліял на устойчивость в этом смыслѣ всей волости (Шабельницкой). С ним-то я прежде всего и познакомился под видом крестьянина Херсонской губ. Послѣ нѣскольких свиданій с ним, я дал замѣтить, что имѣю сообщить ему нѣчто важное. «Признавайся, чоловіче добрий, чи ти с добром до нас, чи с бідою», упрасивал он, заинтересованный. Я объяснил, что хлопочу по дѣлу своих односельчан и уполномочен ими отправиться с прошеніем к царю. При этом я приводил ту мысль, что если к царю явилось возможно больше ходаков с прошеніями, то это тѣм скорѣе побудило бы его обратить вниманіе на крестьян, а потому предложил присоединить ко мнѣ своего ходака.

Л. сильно заинтересовался моим предложеніем и поспѣшил оповѣстить о нем других. Но далеко не всѣ отнес[16]лись ко мнѣ с довѣрчивостью Л.; они просто подозрѣвали, не переодѣтый ли я полицейскій, подосланный начальством выпытать их намѣ-

ренія. Но мои увѣщанія не сдаваться на «подписку», крѣпиться и обнадеживанія в благопріятном исходѣ дѣла—разсѣяли их подозрительность, хотя нѣкоторые в моем предложеніи продолжали видѣть какой-нибудь панскій подвох, и в удостовѣреніе, что я не лгу, потребовали показать приговор от общества. Удовлетворенные с этой стороны, крестьяне стали откровеннѣе. Им неизвѣстно было настоящее положеніе дѣла дома (это было в декабрѣ 75 г., а увезены они из дому в маѣ того же года), родичи давно не являлись к ним, так что они не знали, найдется ли в Шабельниках подходящій человѣкъ для роли ходака и нужныя средства. Я говорил, что, прежде чѣм идти в Питер, я должен еще побывать дома, и крестьяне убѣдительно просили меня зайти в Шабельники и повидаться с нѣкоторыми из душевиков; в числѣ послѣдних должен был найтись, по их мнѣнію, охотник идти со мною к царю. Я согласился и направился в Шабельники к женѣ Л.

Меня поразило удивленіе хозяйки, как я мог пробраться, не будучи замѣчен актовыми, что непременно сопровождалось бы препровожденіем в волость. Этой благопріятной для меня случайностью я был обязан во-первых тому, что шел вечером без всякой ноши, что придавало мнѣ вид мѣстнаго человѣка, во-вторых—мальчику, объяснившему мнѣ, как избѣжать полицейских взглядов актовых. Я был встрѣчен семьей с довѣріем и радушіем, как принесшій вѣсть и поклон от хозяина. Хозяйка тотчас распорядилась устроить караул из своих дѣтей, чтобы можно было успѣть спрятать меня на случай приближенія к дому кого-нибудь из властей. Она знала всѣ подробности общественных дѣл своего села и относилась к ним с таким участіем, что я счел возможным долго не медлить и сообщить ей настоящую цѣль моего прихода. По ея мнѣнію, подходящаго человѣка для роли ходака в селѣ не было: всѣ сколько-нибудь значительные—арестованы, между прочим и тѣ, на которых разсчитывали киевляне. Тѣм не менѣе она все таки хотѣла переговорить на счет этого кое-с-кѣм и сообщить мнѣ результаты, когда я найду вторично, на обратном пути из дому в Кіев.

Это посѣщеніе состоялось через двѣ недѣли. Я был принят с прежнею таинственностью. Поздно вечером, когда всѣ дѣти уже уснули, хозяйка привела двух крестьян, с которыми я дол-

жен был потолковать. Они подтвердили заявленіе Л-хи: в селѣ не было никого, кто рѣшился бы взять на себя ходачество, наконец и денег, нужных для этого дѣла, собрать было не с кого (извѣстно, что крестьяне привыкли всякія ходатайства считать сопряженными с значительными расходами. Кстати сказать, и сам знаменитый Прядко далеко не безкорыстно хлопотал по мірскому дѣлу). В концѣ концов крестьяне стали просить, чтобы хоть ужъ я замолвил за них словечко—все равно, дескать, буду видѣть царя, обѣщая «по вік бога молити» за меня. Я, разумѣется, не отказал, и на другой день глухими стежками был выведен из села. На этот раз, однако, участковые замѣтили, что я заходил к Л-хѣ, дали знать в волость, и начальство не замедлило явиться с допросом: кто был и куда ушел. Л-ха сказала, что заходил какой то «подорожный» заночевать и, благодаря тому, что указала им дорогу, противоположную той, гдѣ шел я, гонцы меня не настигли.

Свѣдѣнія, принесенныя в Кіев, были приняты здѣшними крестьянами с огорченіем. Я не сказал о просьбѣ двух шабельничан похлопотать за них перед царем и ждал, что заявят эти. Но они, очевидно, не рѣшались просить меня о том же, единственно не надѣясь, чтобы я столь важную миссію захотѣл взять на себя безвозмездно. И только послѣ того, как я выяснил, насколько важно для меня лично, чтобы царь увидѣлъ обращающимися к нему не одно мое село, а много, они стали уже «покорно» просить написать и от них прошеніе, описать в нем звѣрства экзекуціи и принужденія их начальством на «ахту», скрытіе от них настоящих царских указов, и, между прочим, просили не забыть привести в прошеніи слова губернатора, сказанныя всему сходу крестьян, что «земля не царская, а панская». Редакціей прошенія они остались довольны, и я, обѣщая вернуться в маѣ мѣсяцѣ, отправился в Питер. Это было в февралѣ 1876 г.

Итак, значительная доля моей цѣли была достигнута. Но успѣх этот дался далеко не легко: нерѣдко установившееся, как казалось, довѣріе крестьян вдруг смѣнялось недовѣріем; были между ними два упорных скептика, большею частью даже не являвшіеся на сходки со мною; они постоянно сдерживали довѣрчивость остальных. Наконец, я сознавал, что для успѣха дѣла мнѣ необходимо по возможности не заявлять себя со стороны,

чуждой крестьянству, по крайней мѣрѣ на первых порах, при часто колебавшемся довѣріи. Это условіе, заставляя быть в положеніи натянутом, дѣлало продолжительные мои переговоры с крестьянами чрезвычайно утомительными; нельзя было, напр., не присоединиться к крестьянам в их усердных молитвах к богу о ниспосланіи благополучнаго исхода столь важному предпріятію.

Теперь мнѣ предстояло принести от царя и предложить крестьянам план революціонной организаціи. Всѣ мои наблюденія утвердили меня в той мысли, что только авторитетное начало может гарантировать принятіе задуманной мною организаціи, а таковым в данном случаѣ могло быть только имя царя Александра II. При отсутствіи у крестьян идейнаго отношенія к дѣлу,—как к средству, закрѣпляющему каждаго члена будущаго тайнаго общества за своей организаціей, я обратился к присягѣ, обряд которой, при извѣстной обстановкѣ, должен был дѣйствовать на крестьянина внушающим образом. Конечно, прочность организаціи могла зиждиться главным образом на разумности ея построенія, соотвѣтственно условіям крестьянскаго быта, а также, не в меньшей степени, на вліяніи отдѣльных выдающихся личностей и моем собственном; а за недостатком этих условій, как пришлось потом увидѣть, дѣло и не принесло желаемых результатов.

По возвращеніи из Питера, я должен был явить крестьянам во 1-х, «Тайную высочайшую грамоту» и во 2-х, «Устав Крестьянскаго Общества Тайная Дружина».

Грамота представляла воззваніе, вѣрнѣе, повелѣніе от имени царя к крестьянам: соединиться в тайныя общества с цѣлью возстанія против дворян. В ней развивалась такая мысль. Царь с самаго начала своего царствованія заботился о благѣ крестьянства, но всегда встрѣчал упорное сопротивленіе дворян. Манифестом 19 февраля 1861 г. он даровал крестьянам не только личную свободу, но и всѣ земли в личное пользованіе, уравнивая в размѣрѣ надѣла всѣ сословія (усады дворян остались за ними—таково [17] мнѣніе народа. Но паны не допустили осуществленія воли царя во всей ея полнотѣ и всякими ухищреніями и обманом оставили крестьян почти в прежнем положеніи. Наконец, царь, не имѣя даже в своей семьѣ единомышленников (наслѣдник

за дворян) и окруженный всюду врагами, пришел к убѣжденію полнѣйшаго своего безсилія—сдѣлать для крестьян что-либо благое единоличною своею властью и предлагает крестьянам самим бороться за свои интересы, с этою цѣлью повелѣвает всему крестьянству соединиться в тайныя общества, именуемые «Тайныя Дружины», и готовить силы для вооруженнаго возстанія против наслѣдника, великих князей, дворян, чиновников и попов.

Тайныя общества должны организоваться по плану утвержденного царем устава. Во главѣ извѣстнаго района Тайных Дружин стоят комиссары, составляющіе из себя центр революціоннаго правленія—«Совѣтъ Коммиссаров». Царь завѣщает и послѣ смерти своей продолжать и довести до конца крестьянское дѣло.

Вот сущность «Высочайшей Тайной Грамоты». Она была напечатана на большем листѣ бристольской бумаги с золотой печатью: «Император Александр II».

Устав крестьянскаго общества «Тайная Дружина» состоял из 6 глав. Вот вкратцѣ их содержаніе: 1) Обязанности Коммиссара состоятъ в руководствѣ и наблюденіи за ходом дѣла Дружины (извѣстнаго округа), в доставленіи им субсидій, изданіи обязательных для них дополненій к уставу, выработанных вмѣстѣ с старостской радой. 2) Обязанности каждаго члена Тайной Дружины. Поступающій в члены Тайнаго Общества дает клятву на вѣрность ему и принимается только за поручительством двух дружинников. Дружинники обязаны помогать друг другу в нуждах; всякій должен имѣть для себя пику и хранить ее до времени возстанія; вносить ежемѣсячно по 5 коп. в кассу Дружины и непрестанно заботиться о привлеченіи новых членов. 25 дружинников составляют староство и избирают из себя старосту. 3) Обязанности старосты. Староста наблюдает за ходом дѣла своего Староства, собирает денежные взносы, приводит к присягѣ вновь поступающаго члена, слѣдит за строгим сохраненіем тайны существованія общества. Староста избирается на 3 мѣс. 4) Старостская рада. 20 староств составляют атаманство; всѣ староства или атаманства составляют из себя правленіе, или Раду. 5) Обязанности атамана. Атаман избирается радой из старост. Это—посредствующее лицо в сношеніях Дружины

с комиссаром. Он, так сказать, власть исполнительная, рада—законодательная. 6) Казначей, избираемый также только из старост Радою, завѣдует общественными суммами. В концѣ устава текст присяги и обряд ея произношенія: «перед иконой Спасителя, евангеліем, зажженой свѣчей и двумя крестообразно сложенными (воткнутыми) пиками или ножами». В большинствѣ экземпляров Устава вначалѣ напечатана и В. Т. Грамота. На Уставѣ прикладывалась печать Совѣта комиссаров, герб которой представлял пику и топор, накрест сложенные. Таков устав. Текст присяги был напечатан и отдѣльными листами.

Я мог вернуться из Питера только в ноябрѣ 76г., между тѣм как общал крестьянам в маѣ (не позже). Крестьяне, конечно, могли думать, что меня постигла обыкновенная участь ходоков, и забыть про мое существованіе; поэтому еще в іюнѣ мѣсяцѣ было доставлено от меня письмо в с. Шабельники (гдѣ уже многіе знали, куда и зачѣм я отправился) с извѣщеніем о благополучном исходѣ возложеннаго на меня порученія и с намеком, что несю очень важныя бумаги. *) Письмо это родичи доставили и кіевлянам. Оно дѣйствительно напрягло их ожиданіе в сильной степени, и когда я явился в Кіев, то крестьяне встрѣтили меня с чрезвычайною радостью.

На сходкѣ (их уже осталось 9 чел., трое ушло домой) я объявил им, что царя видѣл и получил от него бумагу, которую общал им прочесть в таком только случаѣ, если они поклянутся мнѣ—хранить в тайнѣ все, что из нея узнают. Они охотно согласились; тогда я развернул большой лист В. Т. Грамоты и прочел, объясняя каждую ея мысль. Затѣм предложил им организовать в тайное общество с цѣлью возстанія, как единственнаго средства достиженія своих желаній.

Крестьяне, очевидно, ничего подобнаго не ожидали и на первом сходѣ не дали мнѣ никакого отвѣта. Они могли думать, что результатом доставленія их прошенія царю будет немедленный приказ — отпустить их всѣх по домам без «подписки» и если

*) Письмо это было доставлено Л—хѣ. «Актовые» просмотрѣли, как зашел к ней какой-то человек и читал «бумагу» (письмо); через нѣсколько минут послѣ его ухода нагрянуло волостное начальство с обыском и с намѣреніем схватить неизвѣстнаго человека. Ни письма, ни человека не нашли.

не личный пріѣзд царя, то снаряженіе такой уж комиссіи, которая должна рѣшить дѣло в их пользу, удовлетворить всѣ их желанія.

На другой день мнѣ удалось склонить троих (в том числѣ Л. Т-ку); но потом, смущаемые болѣе скептичными, они опять стали колебаться. Нѣкоторые прямо высказывали, что это какой-нибудь хитрый дворянскій подвох, чтобы переманить их на сторону министра (т. е. сдѣлать участковыми), а один (впоследствии самый дѣятельный) говорил,—не польская-ли это, мол, штука? Этому недоувѣрію подал повод я-же своей собственной ошибкой: дѣло в том, что я высказал необходимость, послѣ присяги на вѣрность тайному обществу, дать «подписку», чтобы имѣть возможность отправиться домой и там явиться первыми распространителями и устроителями Тайной Дружины. Но с «подпиской», по мнѣнію крестьян, непременно соединилось писаніе креста, а это они считали в нѣкотором родѣ присягой, закабаляющей их под иго дворян (от неграмотных, в случаѣ надобности в подписи их имени, обыкновенно требуется написать собственною рукою крест или же употребляется так наз. отбираніе рук: грамотный, подписываясь за неграмотнаго, берет послѣдняго за руку и потом подписывается). Поняв, наконец, в чем дѣло, я поспѣшил заявить, что раз подписка дѣлается в формѣ писанія креста, то давать ее ни в каком случаѣ не слѣдует.

Этот компромисс видимо успокоил крестьян. На другой день трое из них изъявили согласіе присягнуть немедленно; но я совѣтовал им склонить и остальных, чтобы тайна дѣла не оставалась ввѣренной не желавшим присягнуть. Через нѣсколько дней согласіе дано было всѣми, кромѣ одного старика, продолжавшаго колебаться. От меня потребовали присягнуть первому. Я объяснил им слова клятвы и исполнил их требованіе. За тѣм, предложив крестьянам предварительно объяснить, как они понимают слова присяги, приступил к обряду; но нерѣшительный старик все еще колебался, и только убѣжденія остальных, нѣсколько даже угрожающаго характера, заставили его перекреститься и стать на колѣни.

По приведеніи к присягѣ, я посвятил нѣсколько сходов [18] на объясненіе обязанностей, налагаемых Уставом. Общій план

они поняли сейчас-же, но нѣкоторые частности усваивали с трудом (напр., значеніе пароля). За то высказывали много практических соображеній, принятых мною во вниманіе потом, при составленіи дополнительнаго устава... Нѣкоторыя функціи, по мнѣнію крестьян, сопряженные с отвлеченіем от хозяйственных работ, будут исполняться нерадиво; а пьянство навѣрное поведет к оглашенію тайны существованія сообщества; в виду послѣдняго обстоятельства, если Дружина станет многочисленной, они проектировали ограничить мірским приговором число кабаков в селѣ.

Из Устава крестьяне узнали, что существенною обязанностью дружинника должно быть вербованіе новых членов; отсюда они сознавали необходимость отправиться домой. Я объяснил им, что простая подписка, «без креста», не может имѣть никакой обязательной силы послѣ данной ими присяги; между тѣм в числѣ их (8 ч.) грамотнаго никого не было, что непременно явится тормазом успѣха их дѣятельности, как первых распространителей Тайной Дружины. Поэтому я предложил по крайней мѣрѣ одному из них изъяснить полицмейстеру согласіе (фиктивное) на «подписку», и если при этом креста не потребуется, то и дать таковую с тѣм, чтобы отправиться домой, посвятить там в дѣло одного из пользующихся довѣріем грамотных крестьян и привезти его ко мнѣ. Сдѣлать это вызвался Л. Т-ка. С торжеством объявил он мнѣ на другой день, что не только креста не потребовали, а даже не потрясли за руку, прежде чѣм подписать его имя.

Я не имѣл еще печатнаго Устава, а рукописными снабжать Л-ря не рѣшался, так как таковой в глазах крестьян мог не возымѣть значенія; поэтому Л. уѣхал без всяких бумаг; я сказал только, чтобы тот из грамотных, на котораго падет выбор, поклялся хранить в тайнѣ все, что услышит от Л-ря, а уж я сам приведу его к формальной присягѣ.

Спустя двѣ недѣли (февраль 1877 г.), Л. вернулся, но один; подходящий грамотный хотя и нашелся в лицѣ отставнаго унтер-офицера Е-ма О-ка, по каким-то семейным дѣлам пріѣхать ко мнѣ он не мог; готовность же служить дѣлу изъяснил полную, если я сам пріѣду в Шабельники и предъявлю «настоящую бумагу»; да и Л. просил меня пріѣхать, ибо ему, как подписавшемуся на «ахту» и явившемуся без всякаго удостовѣренія,

что он сдѣлал это ради цѣлей Тайной Дружины, не оказывается должнаго довѣрія.

Я не имѣл возможности ѣхать немедленно с Л. Снабдив его печатным Уставом и печатными же бланками присяги, я поручил ему самому показать бумаги О-ку и взять с него присягу, а через двѣ недѣли общался пріѣхать сам в Черкассы, гдѣ Л. должен был ждать меня, заготовив заранѣе мѣсто для сходки.

Л. предсказывал огромный успѣх дѣлу и вообще отличался оптимизмом своих взглядов; человѣкъ мягкій и довѣрчивый, он любил выражаться аллегорически; фигуральная рѣчь его, обыкновенно, страдала неясностью мысли; но, кажется, эти именно качества его и производили обаяніе. Крестьянин легко подчинялся ему, увлеченный таинственностью, с которой Л. сулил ему исход из его многострадальной жизни. В нем, в Л., я совершенно не замѣтил корыстных видов в предстоящем участіи в дѣлѣ; отношеніе его ко мнѣ было просто и не отличалось характером преклоненія перед важностью моей особы, чего нельзя было не видѣть в других. Словом, Л. мог быть прекрасным пропагандистом и вербовщиком для тайнаго общества, но едва-ли хорошим организатором.

Я опять не мог пріѣхать в Черкассы в условленное время. Между тѣм Л. не бездѣйствовал. Между душевиками, как наиболее сплоченною стороною, очень скоро разнесся слух, что Л. привез с собою утѣшительныя вѣсти; крестьяне сами приходили к нему и просили «признаться»; «куда ви, дядечку, туда вже и нас вестить: вмісті бідувалі, вмісті и вмірать будем»—говорили они.

Л. при этом оказался далеко не конспиратором: в темную ночь он собрал до 300 человѣк в степу, в разрытом курганѣ («Козацька Могила»); при свѣтѣ фонарей грамотный прочел Устав и тут же всѣ 300 или около приняли присягу.

Это обстоятельство не замедлило сдѣлаться извѣстным властям. Дѣло было так: нѣкто Левушин, бывшій волостной писарь, присутствовал также на сходкѣ в Казацкой Могилѣ и до того был потрясен всѣм слышанным и видѣнным, что сошел с ума. Он явился к попу и стал ругать его за то, что тот всегда подбивает крестьян соглашаться на участки, между тѣм как настоящая воля царя не такова, что Л. привез истинный царскій указ и, весь в орденах и «с шаблокою в руках», читал его

народу. Как ни безсвязна была болтовня Левушина, во всяком случаѣ поп не мог не замѣтить, что в селѣ неладно. Дѣло дошло до слѣдствія, но так как обыски ничего не обнаружили и никто не подтвердил слов сумасшедшаго, то их просто приняли за полумный бред. Узнав об этом через родичей, оставшихся в Кіевѣ дружинников, я поспѣшил отправиться в Шабельники, тѣм болѣе, что не выполненное мною обѣщаніе пріѣхать в назначенный срок произвело на крестьян охлаждающее дѣйствіе, и дѣло, послѣ сбора в Казацкой Могилѣ, пріостановилось. Два дружинника (послѣ примѣра Л-ря уже не опасавшіеся «креста») были отправлены мною вперед с посланіем к Дружинѣ вообще и к Л-рю в частности; послѣдняго я просил приготовить безопасное мѣсто для сходки и пріѣхать за мною в Кіев.

Л. пріѣхал на Өоминой недѣлѣ; по его словам, посланіе мое вызвало такое оживленіе, что в нѣсколько дней число дружинников достигло 500. Разумѣется, этот быстрый успѣх дѣла был только количественный; большинство, как пришлось мнѣ потом убѣдиться из разговоров с нѣкоторыми, не понимало смысла Устава; были и такіе, которые не уразумѣли даже цѣли тайнаго общества; эти послѣдніе просто поддались обаянію столь многозначительных для крестьянина слов «земля и воля», а имя царя, упоминаемое в Уставѣ, сложило пониманіе ими дѣла в том смыслѣ, что всякій, давшій предлагаемую присягу, получит от царя землю и волю.

Я. С.

(Окончаніе слѣдует).

[19] ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЧИГИРИНСКАГО ДѢЛА *).

Поздней зимней ночью по огородам и садам пробирался дѣд Оврам к одной из убогих хат села Ш., в которой тускло свѣтил еще грязный каганец. Старик часто останавливает свои

*) В настоящем разсказѣ я изобразил с фактической точностью два эпизода из чигиринскаго дѣла. Весь первый эпизод написан мною почти дословно по разсказу Оврама. Второй—со слов его же и многих других членов Тайной Дружины. Оврам—это тип народнаго конспиратора, проявившій себя особенно рельефно в двух приведенных мною случаях. К сожалѣнію, дѣятельность его скоро была прервана арестом.

шаги, оглядывается по сторонам и вслушивается в малѣйшій шорох. Вот он добрел до хаты Дейка, остановился у плетня и тихо стал манить к себѣ собаку; кудлатая дворняжка выбѣжала из-под сарая и, увидав незнакомаго человѣка, уже готовилась броситься на него с лаем, как к ногам ея полетѣлъ кусок хлѣба. Она схватила его в зубы и занялась нежданной пищей. Оврам перелѣз через плетень, осторожно подошел к окну, поглядѣл в него и слегка постучал в стекло пальцем. Огонек замелькал в хатѣ, дверь завизжала, и у порога показался сѣдой, высокій, но еще бодрый старик.

— Это ты, Оврам? Войди, будь ласков. Дѣти мои уже давно спят. Я вот сейчас разбуду своего Терешку, пусть покараулит на дворѣ, чтобы вражій глаз чей не подглядѣл, как мы будем толковать с тобою.

В хатѣ полумрак. Старуха на печи разматывает нитки. Оврам и Дейко усѣлись за столом. Оврам начинает рѣчь свою издалека. Он говорит о том, как трудно ихнему брату живется при теперешних порядках. В старину куда лучше было: и подати легче, и начальство сговорчивѣе. А теперь. Вот уж 3-й год, как министр тянет их дѣло. И вѣдь немногаго они хотѣли: хотѣли увеличенія надѣла до 5 дес. на душу и общиннаго владѣнія землею, да чтоб начальство поступало с ними по закону: не скрывало от них настоящих царских указов, не налагало на землю никаких платежей. А до чего же они дохлопотались? Ходаки к царю перехвачены панами, забиты в кандалы и брошены в тюрьму. Затѣм—экзекуція, постой военных команд, опустошивших их села, словно послѣ нашествія непріятеля; высылка лучших людей в разные города под присмотр полиціи, и в концѣ концов земли столь же мало и еще большіе платежи; да к тому же полное раззореніе крестьянских хозяйств, доведшее чуть не всѣх до побирательства. Гдѣ-же найти выход из этого положенія? Гдѣ-же доискаться правды? Оврам остановился на минуту и потом еще тише продолжал:

— Я знаю, как нам из бѣды выйти, знаю, только опасаясь сказать тебѣ, Дейко. Это дѣло необычайно важное, и кто узнает, в чем оно заключается, тому нельзя уж от него отказаться.

— Оврам! воскликнул Дейко,—развѣ не вмѣстѣ терпѣли мы горе? Будем же и умирать вмѣстѣ. Я на все готов. Не бойся же

меня, говори все, что знаешь: старуха моя тоже понимает, о чем не следует болтать.

— Я не имѣю права говорить тебѣ, Дейко, об этом дѣлѣ, пока ты и жена твоя не дадите мнѣ клятвы— молчать, как могила о том, что бы вы от меня не услышали.

— Я согласен, отвѣчал Дейко; иди, старуха, приложимся к этой иконѣ.

— Станьте же на колѣни, сдѣлайте три поклона и поклянитесь.

Дейко с женою опустили перед образом и повторили свое обѣщаніе. Они собирались ударить послѣдній поклон, как Оврам проворно вынул из-за пазухи деревянный крест и положил его пред стариками.

— Цалуйте этот крест, сказал он, и затѣм прибавил: этот крест не простой: кто клянется перед ним, тот пусть хорошо помнит свою клятву, иначе страшная бѣда постигнет его.

Дейко и жена его были крайне взволнованы всѣм этим. Баба вздрагивала, моля Оврама просвѣтить их темныя очи. Дейко с каким-то страхом и в то же время с нетерпѣніем, ждал чего-то необычайнаго. Он, как отставной солдат, сознававшій всегда свое превосходство над Оврамом, теперь глядѣл на него с видом благоговѣнія. Между тѣм Оврам разстегнул свою свитку, снял красный пояс и размотал в нем сверток, завернутый в платочек. Он дѣлал это молча, медленно, придавая каждому своему движенію вид какого-то священнодѣйствія; наконец, развернув сверток, положил на стол печатные листы бумаги. Нѣсколько минут длилось молчаніе. Дейко как будто не смѣл прикоснуться к лежащим на столѣ бумагам; баба пристально и с любопытством смотрѣла на них, не шевелясь на своем мѣстѣ. Оврам молчал, словно хотѣл уловить силу впечатлѣнія, произведеннаго всей своей тайнственностью на стариков.

— Ты грамотен, Дейко, посмотри же, какія это бумаги. Видишь ли, что это такое? сказал он, взяв в руки печатные листы.

Дейко поднес каганец к бумагам и, все еще не оправаясь от своей робости, отвѣтил: «как же не видѣть—это печать».

— Прочитай же, что на ней написано.

— «Печать Со-вѣ-та Коммиссаров», стал разбирать Дейко.

— Боже мой! вот он настоящий-то (царскій) указ! всплеснула баба руками, словно ужъ поняла наконец, в чем дѣло.

— А что изображено в серединѣ этой печати, присмотрись хорошенько, Дейко.

— «Топор и пика, недоумѣвая, отвѣчал Дейко.

— «Топор и пика, подтвердил торжественно Оврам. До сих пор мы боролись с панством, подставляючи ему наши спины, теперь понимаешь, с чѣм надо выступить против врага?

Дейко немного струсил: все, к чему Оврам, очевидно, клонил свою рѣчь, было для него совершенно неожиданно. Он ничего не отвѣчал на вопрос Оврама и не спускал глаз с страшной печати. Баба стала смутно догадываться, что затѣвается что-то опасное и утирала рукавом слезы.

— Теперь садись и читай, да читай потише... а то там наш караульщик-то не уснул-ли? и Оврам стал заглядывать в окна.

«Устав тайнаго крестьянскаго общества «Тайная Дружина»— начал свое чтеніе Дейко. «Тайная Грамота»—продолжал он, переворачивая первый лист бумаги: «Любезные наши крестьяне!» Дейко остановился, как будто вдумываясь, от кого бы могло исходить это воззваніе. Из [20] дальнѣйшаго чтенія он понял, от кого. В «Тайной Грамотѣ» царь Александр II объявлял крестьянам, что всѣ его благія начинанія для них всегда встрѣчали упорное сопротивленіе дворянства. Еще в 1861 г. он пытался передать в руки крестьянам всѣ помѣщичьи земли без всяких выкупных или оброчных платежей; но ему удалось только уничтожить крѣпостное право, да и за это паны три раза покушались извести его. Царь объявлял, что не только помѣщики—враги крестьян, но и сам наслѣдник престола, все великіе князья, всѣ министры и сенаторы—против них, а потому он совершенно не в силах сдѣлать что-нибудь доброе для народа. Если же крестьяне хотят, чтобы вся земля, захваченная помѣщиками, принадлежала им, если хотят владѣть ею, не платя ни поземельных, ни других каких бы то ни было налогов, если хотят, чтоб не было ни помѣщиков, ни чиновников,—то пусть сами, своею силою, не надѣясь на него, на царя, добьются всего этого. Для такой цѣли крестьяне призывались соединяться в тайныя общества и заготовлять оружіе; и когда такія общества будут многочисленны,—возстать открыто против дворян, чиновников, попов и всѣх врагов народа.

Дейко окончил чтение «Грамоты», еще раз прочел подпись под ней: «Александр II», и прошептал:

«Так неужели и царь не может помочь нашему горю! На кого же нам послѣ этого надѣяться! На самих себя. Что же мы сдѣлать-то можем, когда меж нами нѣтъ никакого согласія, когда нам подчас и куска-то хлѣба не на что купить!

— Так-то так, Дейко, только слезами доли не завоеешь; если мы царскаго слова не послушаемся,—заморят нас паны, закрѣпостят нас снова. А примем мы царскій совѣтъ, то найдутся такіе люди, что без помощи нас не оставят.

— Ты правду говоришь, Оврам; будем дѣлать так, как велит нам устав «Тайной Дружины».

Дейко был ободрен таинственным намеком Оврама на помощь каких-то людей.

— Но будь же откровенен со мною, Оврам: как попала к тебѣ такая важная бумага? Теперь тебѣ нечего бояться меня: я цѣловал крест молчать, чтобы от тебя ни услышал, да и старуха моя не меньше меня боится бога.

Любопытство давно мучило Дейко, но не болѣе как любопытство; все поведеніе Оврама было так важно-таинственно, так внушительно и серьезно, что у Дейка не явилось и малѣйшаго сомнѣнія в подлинности бумаг.

— Всему свое время, Дейко. Никто, ожидая весны, не сбрасывает уже и кожу: придет время, тогда и кожух скидать надо. Читай же дальше, так и без меня больше узнаешь.

Дейко усѣлся за стол и принялся за чтение: «Тайныя Дружины имѣют своим назначеніем подготовиться к возстанію против панов, чиновников, купцов и других врагов крестьянства, чтобы отнять захваченную ими землю и добиться для народа воли».

Долго и с вниманіем читал Дейко устав «Тайной Дружины»; он останавливался и развивал тѣ мѣста его, которыя ясны были его пониманію, и пропускал без замѣчаній непонятные ему пункты. Оврам слушал далеко не с таким вниманіем, как чтец; он торжествовал, приобретая грамотнаго члена, и рѣшился сегодня же покончить свою роль. Старуха очень мало интересовалась содержаніем устава. Зная, что не ея дѣло многое знать, она больше занята была мыслью о том, счастье или несчастье принес в дом ея с собою Оврам. Дейко кончил.

— Что же ты на все это скажешь? обратился к нему Оврам послѣ нѣкотораго молчанія: хочешь ли служить святому народному дѣлу? Авось, даст бог, увидим еще счастливые дни в своей жизни; а уж если нам бог не судил,—что-жь? не для себя же ты ухаживаешь за молодой яблоней, что у тебя в огородѣ, вѣдь для дѣтей ты ее растишь, поливаешь. Так будем же стараться, чтобы хоть дѣтям нашим счастливѣе жилось. Хочешь вступить в наше тайное общество, хочешь стать таким же дружинником, как и я?

Дейко не отвѣчал; он волновался от избытка впечатлѣній; слезы капали у него из глаз. Он понял всю опасность дѣла, и страх подавлял в нем рѣшимость. Надежда на что-то недосказанное Оврамом, на что-то утѣшительное взяла верх, и Дейко сказал:

— «Я уже говорил тебѣ, Оврам, что готов умирать с тобою вмѣстѣ. Пусть будет, что будет,—горше ужъ не будет, чѣм есть, а то, бог даст, хотя дѣти добром помянут... Я согласен стать дружинником.

— Такними же образ спасителя и присягни мнѣ в том. Такой порядок, так велит Устав. Привяжи хмѣлилку к тычинкѣ, она из своего огорода не уйдет. Заткни, хозяйка, чѣм-нибудь окна, пусть и твой караульщик не знает, что мы тут дѣлать будем.

Затѣм Оврам вытащил из-за голенищ восковую свѣчу, зажег ее и прилѣпил к столу.

— Если люди не видят, то пусть же свѣтъ видит то важное дѣло, которое ты хочешь совершить. А вот лучших свидѣтелей твоей клятвы не найти, как это, продолжал Оврам, вынимая из-за пазухи крест и свангеліе.

— Дай-ка еще, хозяйка, нож, будь ласкова; отрежем хлѣба: хлѣб всегда и вездѣ нужен человѣку. Оврам сдѣлал вид, что хочет открыть кусок хлѣба: «нѣтъ-ли острѣе ножа, хозяйка; для такого важнаго часа пусть ничто не идет туго». Он взял другой поданный ему нож, но вмѣсто кройки хлѣба воткнул оба ножа крестообразно в стол: «лучше хлѣба рѣзать не будем; подашь нищему цѣлый,—больше спасибо скажет; а эти ножи пусть напоминают тебѣ, Дейко, что с ними тебѣ бороться с врагами, и от них же погибнуть за измѣну народному дѣлу».

Дейко молча глядѣл на эти приготовления. Нельзя сказать, чтоб он чувствовал себя прекрасно: мысль, что он у порога новой жизни, перспектива которой для него так не ясна, вызвала в нем нѣсколько давящее чувство. Однако же рѣшительность всего поведенія Оврама повліяла на него настолько, что он болѣе не колебался. Старуха дрожала от страха: восковая свѣча, крест, евангеліе—все это напоминало ей погребальную обстановку.

Наконец, Оврам, подав небольшой печатный листок Дейку, сказал:

— Вот слова присяги: стань на колѣни и читай.

Дейко опустился на пол, перекрестился и стал читать. Он был спокоен. Только в концѣ текста, гдѣ призывается проклятіе божеское и человѣческое на измѣнников клятвѣ, голос его задрожал, и он поднялся на ноги.

— Теперь ты наш, ты дружинник, давай же поцѣлуемся, сказал Оврам, и они поцѣловались три раза. Только старого дуба ни вдвоем, ни втроем не повалишь: надо валить его гуртом. Ищи же и ты людей до этого гурту, как я тебя нашел.

[21] II.

В нѣскольких верстах от деревни Самбор стоит огромный курган, свидѣтель времен Запорожской сѣчи и казачества на Украинѣ. Долго не давали покоя этому кургану: не один убогій украинец, в надеждѣ на клад, терзал его своим заступом; другіе сдѣлали из него мѣсто добыванія глины, наконец, величавый стан его окончательно изуродовал археолог. Теперь он имѣет вид довольно обширной ямы с вырытою в стѣнѣ ея довольно обширной пещерой.

Однажды, в началѣ весны, в темную, беззвѣздную ночь курган или Казацкая Могила, как его называли в народѣ, представлял странное и торжественное зрѣлище. Могила вмѣстѣ с пещерой, была переполнена народом. В толпѣ было человѣкъ триста. Нѣсколько фонарей освѣщали внутренность могилы. В пещерѣ—небольшое из земли возвышеніе; там же в сторонѣ—стол, на котором что-то прикрито бѣлой скатертью. Всякій старается, вытянув шею, посмотреть, что дѣлается в пещерѣ. У всѣх на лицѣ выраженіе напряженного ожиданія.

Но вот на земляное возвышеніе вступил высокій с длинными сѣдыми усами старик. Он окинул взглядом собраніе, оперся на свою толстую палку и начал рѣчь:

— Господа громада! Я собрал вас затѣм, чтобы повѣдать всѣм вам вмѣстѣ о том великом дѣлѣ, о котором каждый из вас кое-что слышал уже, и затѣм, чтобы всѣ вмѣстѣ вы послушали, что пишется в тѣх важных бумагах, которыя я послал являть между людьми. Вы видѣли, господа громада, как весенняя вода бѣжит по рвам, по долинкам, ища себѣ выхода в Днѣпр. Там ей только вольно, там только течет она, не встрѣчая на пути своем никаких преград и задержек. Мы, как тѣ весеннія воды, вездѣ ищем выхода туда, гдѣ идет вольная дорога нашему теченію. Но куда бы мы ни кидались, всюду только и видим что гати: тут нам пан стоит середь дороги, там—становой, а там поп растопырил руки. Как же нам выйти из этой «загороды», чтобы течь вольно, как весенняя вода по Днѣпру? А вот слушайте, какой совѣтъ подается нам в этих бумагах.

Старик вынул из-за пазухи печатные листы и подал их стоявшему возлѣ него Дейку. Послѣдній занял его мѣсто на возвышеніи и начал нараспѣвъ чтеніе Тайной Грамоты и Устава.

Толпа заколыхалась и подалась ближе к пещерѣ, но при первом же словѣ чтеца глубокая тишина водворилась в могилѣ. Громко и внятно стало раздаваться мѣрное, монотонное чтеніе Дейка. Самое напряженное вниманіе овладѣло всѣми, словно никто не знал еще, в чем дѣло.

«Добре царь каже», слышался иногда сдержанный голос в толпѣ. «Такой правды мы еще не слыхали», замѣчали некоторые. «Извести это проклятое панство», вырывалось у болѣе горячих.

Дейко кончил. Оврам взял у него печатные листы и указал на печать.

— Видите ли, что в серединѣ этой печати? Вот топор и вот пика. Это печать «Совѣта Коммиссаров»; ему-то, сему Совѣту, и поручено распространять в народѣ эту Грамоту и призывать людей в Тайныя Дружины.

Толпа опять заволновалась, сисясь еще ближе податься к пещерѣ.

— Что же скажете, господа громада? Хорошо ли говорит царь?

«Добре, дуже добре, що і говорити, кращого слова ми і не слухали», пронеслось в толпѣ.

— А коли добре, чого же вам більше ждати? Сгодні вступити в Тайну Дружину, сгодні присягнути, що готови і голови положити за святе народне дѣло?

«За що же нам і умирати, як не за себе, да за дѣтей наших? Сгодні, дед Оврам, сгодні! Ты на дурное совѣта не станеш давати... Доколѣ нам терпѣти! Мало ми ще терпѣли!—шумѣла громада: пик раздобудем, а то і с косами поїдем.

«Вот, братцы, сабля, чѣм не панская! заорал какой-то голос, и над толпой показалась старая, заржавленная сабля.

Волненіє вдруг овладѣло всѣм собранієм. То горькія жалобы, то страшныя угрозы вырывались из этой толпы; все смѣшивалось в один общій стон, далеко уносившійся в поле. Казалось, нашелся, наконец, давно выжидаемый удобный момент: чувства, накопившіяся за время всего происходившаго в могилѣ и до сих пор сдерживаемыя, готовы были излиться вполнѣ.

Оврам продолжал стоять на возвышеніи, опираясь на свою палку.

— Господа громада! силится сказать он громким голосом: господа громада! Слушайте же дальше, что я буду говорить вам.

Движеніє мало-по-малу прекратилось, толпа притихла и стала слушать.

— Так вы сгодні пристати к Тайной Дружинѣ, начал Оврам: знайте же, что это дѣло великое и от всякаго ненадежнаго чловѣка—тайное. Узнают паны, что у нас что-то затѣвается, лихо и нам и еще кому-то будет. А найбільше своих же баб беречься надо: бабьего языка ничѣм не удержишь; забѣжит к попадѣ, к дячихѣ, выпьет чарку—долго-ли бабѣ язык развязать? Пойдет трещать да и натрещит, что и сама потом не рада будет. А дѣло наше надо нам беречь сильно, надо, чтобы наша Дружина росла и крѣпла, как можно скорѣе. Вдвоем или втроем немного сможешь, а громада—великій чловѣк. Лишь бы твердо стоять друг за друга: птица—и та понимает это. Сорока нападает на гнѣздо ласточки, чтобы поживиться ея яйцами, и цѣлая стая ласточек подымается на защиту одной и прогоняет непріятеля. Так нужно заступаться и нам друг за друга. Только вы, братцы,

знаете, что сноп тѣм прочнее, чѣм кренче перевеслом его свяжешь. Так ли я говорю, господа громада?

— Лучше не скажешь, дѣд Оврам,—отвѣчали в толпѣ: Веди нас, куда знаешь, за тобой не отстанем.

Оврам сошел с землянаго возвышенія и поставил на него стоявшій в сторонѣ стол. Он снял с него бѣлую скатерть, и крестыяне увидѣли на нем икону Спасителя, крест, Евангеліе и два крестообразно воткнутых ножа. Затѣм он зажег толстую восковую свѣчу и сказал:

— Господа громада! Перед этим, что вы видите на столѣ, вы будете давать вашу клятву. Станьте же на колѣни и повторяйте тѣ слова, что будет читать вам Дейко.

Толпа зашумѣла и опустилась на колѣни; только Оврам и Дейко стояли в глубинѣ пещеры. Мѣрно стало раздаваться чтеніе текста присяги, и всѣ разом подхватывали каждое ея слово.

«Клянусь посвятить всю свою жизнь святому народно[22]му дѣлу. Клянусь с оружіем в руках бороться против помѣщиков, чиновников и всѣх врагов наших»... громко отчеканивал Дейко.

— Клянусь! загудѣла разом громада.

ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ.

ЖЕНЕВА. 30 ноября.

Граждане Редакторы.

Получивши Ваше любезное приглашеніе сотрудничать в затѣваемом Вами органѣ, я спѣшу отвѣтить на него братским рукожатіем русским революціонерам, которые не только не теряют бодрости, несмотря на всѣ преслѣдованія, но с каждым разом все смѣлѣе поднимают голову.

В настоящій момент, когда всѣ правительства соединяются для преслѣдованія социализма, революціонеры тоже должны братски протянуть друг другу руки, несмотря на раздѣляющіе нас границы.

Впрочем, солидарность между революціонерами—не мечта, а существующій факт; несмотря на различія средств, которыя естественно должны приспособляться к мѣстным особенностям данной страны, мы всѣ идем к одной цѣли: полному освобожденію

труда. Подобно тому, как язва, разъѣдающая один из органов тѣла, отзывается на всем организмѣ, так и народы не будут вполнѣ свободны, пока хоть один из них останется в рабствѣ, уж поэтому одному они не могут не быть солидарны.

Итак, привѣтъ мой «Черному Передѣлу», новому бойцу за дѣло свободы, за то дѣло, которое в своем окончательном торжествѣ соединит все человѣчество в единую и великую семью.

В этом письмѣ я сдѣлаю краткій обзор замѣчательнѣйших событій в революціонном міре западной Европы за этот год.

Во Франціи, с которой всегда надо начинать, когда дѣло идет о революціи, социалистическое движеніе, парализованное со времени громаднаго кровопусканія 71 г., теперь снова ожилося, особенно с начала сентября, когда возвратились из Новой Каледоніи помилованные коммунары.

Думали, что эти помилованные, утомленные страданіями долгой ссылки, будут благодарны на дарованную милость, но ошиблись.

Вам извѣстно, конечно, что в числѣ помилованных не вошел никто из приговоренных за прямое участіе в Парижской Коммунѣ, и что большинство из них еще томится на бесплодной почвѣ Новой Каледоніи или в изгнаніи. А между тѣм республиканское правительство осмѣлилось объявить в своем циркулярѣ, что в число исключенных из амнистіи попало лишь нѣсколько человѣкъ, осужденных по политическим причинам, масса же их состоит из субъектов, находившихся в постоянных столкновеніях с уголовной полиціей.

..... набором этих послѣдних строк типографія «Чернаго Передѣла» закончила свою работу: 28-го генваря она была арестована и вмѣстѣ с нею погибли пять наших товарищей, памяти которых мы и посвящаем это изданіе.

Вот вкратцѣ исторія этого печальнаго событія. Саратовской группой наших товарищей был приглашен для работы в типографію наборщик, Александр Жарков. В продолженіе 3-х лѣтъ почти он был извѣстен, как человѣкъ, хотя недалекій, но довольно преданный дѣлу, притом чрезвычайно искусный

знаток своего ремесла. Он стал работать. Дѣйствительность показала, что в нем ошиблись. Через нѣкоторое время представилась необходимость перенести типографію в другое мѣсто. Жарков воспользовался этими днями, чтобы поѣхать в Саратов по своим личным дѣлам. В Москвѣ его арестовали с номерами «Народной Воли». Допрос: Кто такой?—Наборщик. Гдѣ служит?—Без мѣста. Откуда?—Из Саратова. Справки: Жарков работал там то, получал хорошую плату и бросил без видимой причины свое мѣсто. Тотчас подозрѣніе, не в тайной ли он типографіи. Посыпались угрозы смертной казнью. По настоящим временам, от угроз казнью до самой казни недалеко; Ж. струсил: цѣною тайной типографіи и жизни работавших в ней он рѣшился спасти свою собственную. Ночью с величайшей осторожностью полиція сняла с петель двери квартиры, гдѣ помѣщалась типографія. Всѣ работники спали и проснулись только тогда, когда жандармы бросились их вязать. Жарков получил свободу и пошел дальше: он взялся указать полиціи Плеханова и Тихомірова;—но это ему не удалось: он был убит на набережной Невки. Всѣ экзempl. газеты были захвачены; осталось только 5—6, по которым мы и воспроизводим настоящее изданіе. Из нижеслѣдующих статей только корреспонденціи с «Тихого Дона» и из «Кіева» (15 дек.) должны были войти в первоначальный состав газеты.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

ИЗ КІЕВА.

15 Декабря 1879 г.

Товарищи!

Вѣсть о Вашем намѣреніи издавать газету, которая главным образом будет имѣть в виду рабочій люд села и города, принята у нас с восторгом. Пока мы не станем крѣпче на ноги, пока не удастся нам создать свой орган, который сосредоточит свое вниманіе на нуждах кружков нашего края, Вы, конечно, охотно откроете доступ в вашу газету выраженію и наших мнѣній. В Кіевѣ три организованных кружка, связанных друг с другом тѣсным союзом. Всѣх нас 36 человѣкъ, кромѣ того мы послали своих людей в нѣкоторые из близ лежащих заводских пунктов,

как для пропаганды и организации таких же кружков. И в успѣли уже соединиться 5 человек, принявших устав нашей организации. Мы послали нашу программу к одесским рабочим и просили их прислать нам свою; затѣм постарались войти в постоянныя отношенія с ними. Бѣда наша в том, что мы бѣдны: в кассѣ нашей два—три десятка рублей; революціонной же организациі без матеріальных средств крѣпкой быть нельзя, а тѣм паче «в наше время, когда». Бѣдны мы потому прежде всего, что всѣ, за исключеніем двух, народ простой, рабочій. На помощь интеллигенціи в настоящую пору мы мало полагаем надежд. Огромное большинство ея давно стало забывать нас; а присутствіе интеллигенціи в наших рядах, тѣсная связь ея кружков с нашими, послужила бы не только матеріальной поддержкой рабочих групп, но и их умственной опорой. Вот почему мы так рады Вашему начинанію, в надеждѣ, что Вы нам личным примѣром своим, так и печатным словом привлечете хоть часть интеллигентных сил в нашу среду.

* * *

Р. С. Программу наших кружков просим Вас отпечатать отдѣльными листами.

[23]

24 марта.

По позднѣйшим извѣстіям, в Кіевѣ арестовано 10 человек, благодаря доносу шпіона Зембранскаго (Полозова—псевдоним). При помощи послѣдняго Кіевскіе социалисты получали кое какія свѣдѣнія из жандармскаго управленія. Такой маневр для сближенія с революціонерами был выбран очень удачно, и если шпіону не довѣряли внутренних тайн,—то во всяком случаѣ он успѣлъ повидать многих.

Непростительная халатность в организаціонном отношеніи!...

Когда стали замѣчаться нѣкоторыя странности в поведеніи Полозова,—возникли сомнѣнія в его благонадежности. Но один из товарищей, особенно довѣрявшій Полозову, в опроверженіе подозрѣній на его счет, устроил опыт: он оставил у Полозова ящик, будто бы с динамитом, предупреждая, что зайдет за этим ящиком завтра. Зашел, взял ящик и тут же на улицѣ был арестован. Факт этот убѣдил всѣх окончательно, что Полозов—

шпіон. Надо было от него отдѣлаться. Нѣкто Поликарпов взялся за это дѣло. Зазвав его в свою квартиру, Поликарпов стрѣляет по нем из револьвера: шпіон, оказалось—в кольчугѣ; второй выстрѣл ранит шпіона в горло. Тут на шум стали сбѣгаться сосѣди, и Поликарпов, вѣроятно не рассчитывая на возможность бѣжать, третьим выстрѣлом убивает себя; Зембарандскій же остался жив и указал полиціи всѣх, кого знал.

С «ТИХАГО ДОНА.»

Читателям, вѣроятно, извѣстно, что в Землѣ Войска Донскаго вот уже около двух лѣтъ происходит массовое казацкое волненіе по поводу введенія на Дону земских учреждений. Всѣ извѣстія об этом волненіи, помѣщенные в наших легальных газетах, имѣют характер отрывистых сообщеній, отнюдь не раскрывающих причины, побуждающей казаков отказываться от земства. Между тѣм протест донцов против введенія земских учреждений вызывается тою же общою причиной, которая до сих пор возбуждает повсемѣстное волненіе на Дону.

В послѣдніе 1½—2 года это волненіе выразилось цѣлым рядом болѣе или менѣе крупных событій. Распоряженіе о передачѣ казацких лѣсов в веденіе земства встрѣчено было открытым сопротивленіем Луганской *) и др. лѣсных станиц. Сдѣлано было даже покушеніе на жизнь земскаго таксатора, что послужило поводом к аресту 60-ти казаков. Подавивши это движеніе, правительству пришлось считаться с отказом Хоперскаго, Донецкаго и Черкаскаго округов от платежа земских повинностей и выбора гласных. Эти три округа категорически заявили, что не желают введенія земства. Лѣтом 1879 г. Хоперскій округ отправил к наслѣднику «ходаков» с прошеніем об отмѣнѣ того же земства. Считаю поэтому умѣстным изложить причины этого движенія, крайне интереснаго, как по величинѣ района, им охваченнаго, так и по продолжительности и упорности сопротивленія.

*) Смотри «Земля и Воля» №№ 2 и 4 Корреспонденціи из Каменской станицы.

Главная причина непринятія казаками земства заключается в прошлой исторіи Донскаго казачества, в цѣлом его міровоззрѣніи, в его взглядах на свои обязанности к государству и на права на свою землю. В самом дѣлѣ, Войско Донское прожило 300 лѣтъ жизнью, исполненной боевых подвигов, нападеній на непріятеля и обороны от него. В продолженіи этих 300 лѣтъ оно с непомѣрными трудностями завоевало себѣ Тихій Дон, цѣною своей крови платя непріятелю за каждую пядь земли. В этой вѣковой борьбѣ с непріятелями, в этой безустанной оборонѣ своего семейнаго очага, да и всего государства русскаго от разграбленія полудиких хищников—казачество, с одной стороны, приобрѣло непоколебимое убѣжденіе, что его земля есть полная его собственность, добытая кровью его предков, что она свободна от всяких налогов и не может облагаться ими и—что, с другой стороны—казаки своими услугами государству заслужили себѣ права и привиллегіи, что они люди свободные, не подлежащіе никаким податям и повинностям и что служат царю и отечеству добровольно, по собственному своему согласію. «У мужика, говорят казаки, земля царская, поэтому он и платит за нее подати, а у нас—казаков своя собственная, да и служим то мы царю по своей охотѣ, и за эту добровольную службу царь должен присылать нам свои грамоты, подтверждающія наши старыя вольности казачія.»—Понятно, в какое противорѣчіе с этими коренными взглядами казачества стали земскіе поборы и повинности, да и вообще самое существованіе земства. Кромѣ того глубокаго убѣжденія, что, заставляя казаков платить налоги за землю, земство и правительство обращает их из вольных людей в мужиков, обиднѣе чего для казака трудно выдумать,—казаки недовольны земством за то, что оно стѣсняет их свободу, вторгается в их внутреннюю хозяйскую жизнь. Дѣйствительно, всѣ свои хозяйственныя потребности, как напр. пользованіе лѣсами, рыбными ловлями, постройка мостов, исправленіе дорог и проч., все это дѣлалось и рѣшалось самими казаками по их обоюдному согласію. Внѣ своего станичнаго сбора они не признавали по этим вопросам никакой другой власти. А тут земство отбирает лѣс, размежевывает его на части, указывает какой рубить, а какой не слѣдует; за потраву молодаго лѣса скотом берет штрафы с хозяина, платит большія суммы лѣсничим и над-

смотрщикам. На первых же порах по введеніи на Дону земства это противорѣчіе между коренными взглядами и убѣжденіями казаков с одной стороны и притязаніями земства с другой—вызвало повсюду ропот и недовольство. Вездѣ собирались шумные сборы, на которых на тысячу ладов разбиралась несовмѣстность земских учреждений с казачьим бытом. Признавая, что отобраніе лѣса в распоряженіе земства равносильно с посягательством на вѣковыя казачія права, на их свободу и собственность,—казаки прогоняли от себя землемѣров и лѣсничих, пріѣхавших размежевывать лѣс, а в нѣкоторых мѣстах, напр. в станицах Луганской и Еланской, даже грозили их жизни, если они не уберутся по добру по здорову *). Жаль было смотрѣть на этих чиновников, запуганных и голодных, так как ни одна казачка не соглашалась продать им чего-нибудь съѣстнаго. Начальство вынуждено было сдѣлать уступку: лѣса отбирались только в тѣх станицах, гдѣ этому не оказывали препятствія. Но так как таких станиц в войскѣ почти вовсе не оказалось, то снова было приступлено к склоненію казаков отдать лѣс. То путем обмана, то угрозами начальству удалось наконец добиться от казаков официальных приговоров станичных сборов об отдачѣ лѣса. Насколько дѣйствительны эти приговоры и как они исполняются вы увидите ниже. Как бы там не было, для казаков была важна хоть временная уступка начальства. И вот казаки Хоперскаго, Донецкаго и Черкаскаго округов отказываются от взноса земских платежей и не выбирают гласных. Мало того, в Хоперском округѣ организуется цѣлая депутація к наслѣднику с прошеніем от казаков всѣх станиц об отмѣнѣ земства. Неизвѣстно, принята ли была эта депутація в Аничковском дворцѣ, или была отослана домой по этапу? Скорѣе можно предположить послѣднее. За то доподлинно извѣстно, что все казачество с надеждою ожидало результатов от этого посольства. Однакожь надежды их обманули. Земства не отмѣнили, а по высочайшему повеленію в Новочеркасскѣ образовалась коммиссія для разсмотрѣнія вопросов, касающихся практическаго примѣненія земских учреждений в З. В. Д. «Как там не измѣняй, разсуждают казаки, а все-таки

*) В Еланской станицѣ казаки с саблями гонялись по полю за землемѣрами.

толку не выйдет; мы совсѣм не хотим земства.»—Опять ропот и безконечные, бурливые станичные сборы. Велят казакам выбирать депутатов в комиссію, а они не выбирают, да и идти в депутаты никто не хочет; хотя угодливое начальство предлагает им и прогонные и порціонныя деньги на все время засѣданій комиссіи. Так и засѣдает в настоящее время эта несчастная комиссія, не имѣя в своей средѣ ни одного простаго казака и не зная, к каким умиротворяющим положеніям придти? Можно наперед предсказать, что ничего хорошаго она не выдумает, да и выдумать-то при таких обстоятельствах невозможно. А между тѣм казаки, видя, что их ходатайство не уважено, самым безпощадным образом вырубливают лѣс. Рубят даже так называемыя заповѣдныя рощи. Антагонизм между казаками и земством в нѣкоторых мѣстах дошел до такого развитія, что при всем недостаткѣ и дороговизнѣ лѣса, казаки жгут его цѣлыми массами. «Если уж не нам, так пусть и земству не достается!» говорят они. Так разсуждают и поступают казаки в лѣсных станицах Хоперскаго, Донецкаго и Усть-Медвѣдицкаго округов. Гдѣ же нѣтъ лѣса, там главную роль играет земля и земскіе на нее налоги. «Кровью мы свою землю завоевали, кричат старики на сборах, без крови и не отдадим, а платить за землю не будем, потому что она наша собственная!» В иных мѣстах встрѣчаешь еще сохранившуюся вѣру в царя и убѣжденіе, что земство введено без его вѣдома. «Не хотим мы земства, возражают здѣсь уговаривающему их земцу, или начальнику,—это наше начальство его выдумало, а царь про то не знает! Поддай нам подлинную Лександрову руку, тогда мы повѣрим!» Но в Хоперском округѣ, населенном преимущественно раскольниками, послѣ неудавшейся посылки ходаков таких восклицаній уже не услышишь. Там полное отчаяніе, что прош[24]ли счастливыя времена казачества, что им не на кого надѣяться и что, если дорога им воля казацкая, дорог Тихій Дон, то крѣпко должны они стоять друг за друга и общими силами противодѣйствовать всѣм нововведеніям, которыя всѣ имѣют конечною цѣлью обратить казаков в податных мужиков. Всякое измѣненіе в Войскѣ, будь то слух, что Миусскій округ отойдет к предполагаемой Таганрогской губерніи, будь то распоряженіе об отобрании от казаков казенных ружей—все это служит для них новым подтвержденіем их подозрѣній и самая

ничтожная причина, или удачно пущенный слух может поднять на ноги всю область. Если же принять во вниманіе, что казаки вооружены поголовно, то очевидно, насколько важен Дон в революціонном движеніи!

РОСТОВСКІЙ БУНТ 2-го АПРѢЛЯ.

2 апрѣля, как и всегда в большіе праздники, базарная площадь пестрѣла цѣлым рядом качель и балаганов с их неизмѣнным пискливым ванькой и визгом разбитых шарманок. Горлодерство пьяных солдат, крики балаганных шутов, разудалыя пѣсни, остроты и прибаутки панорамщиков; «ахи» манерных мамзелей, быстро взлетающих вверх в качельных ящиках с своими кавалерами,—все это сливалось в какой то гул, говорившій лишь о широком разгулѣ и полном забвеніи всякаго горя.

Веселился народ, тот самый народ, к которому направлены всѣ наши помыслы и который так мало знает, кто мы и за кого. И вот в самый разгар веселья на этом пестром полѣ стало вырисовываться темное пятно: народ стал скучиваться вдруг у одной из качелей, привлеченный какой то дракой. Толпа становилась все гуще и гуще. Дѣло же было просто вот в чем: урядник приказал поунять свой разгул какому то сильно подпившему мастеровому; послѣдній отвѣчал ругней. Взбѣшенный урядник, вцѣпившись в волосы дерзкаго гуляки, тащил его в участок. «Братцы, ослобоняй!» раздался голос и нѣсколько человѣкъ бросилось на урядника: моментально жертва была свободна; но толпа заколыхалась сильнѣе, брань и угрозы со всѣх сторон посыпались на урядника. Послѣдній, почуяв, очевидно серьезную опасность, прищипорил коня и быстро ускакал. Гнѣвные крики все росли и росли.—«Пойдем на полицію, разнесем на куски этих мучителей!!...» И сотни голосов завопили: «Разнесем, разнесем!»—«Всѣх властей долой, долой царя!»—послышались голоса замѣшавшихся в толпу двух—трех социалистов...

Масса рванулась с мѣста и словно по командѣ двинулась по направленію к полиціи. На пути нѣсколько голосов предложили разрушить зданіе думы; в отвѣтъ послышалось: «Общественнаго трогать нельзя!»—и в беспорядке, густою массою

народ поспѣшно подвигался вперед. Вот показалось зданіе полиціи: усиленные взрывы угроз и ругни потрясли воздух; шаги удвоились; через минуту толпа врывается уже в самое зданіе. Полицейскіе разбѣжались; немногіе попавшіеся в руки, подверглись страшным побоям. Раздался трескъ, затѣм опять и и опять: это ломали шкафы, хранилища всевозможных дѣловых бумаг, текущих и архивных. Весь этот плод канцелярщины подвергся беспощадному уничтоженію: мелкіе клочки бумаги устлали пол полицейскаго зданія и прилегающаго к нему тротуара. В одной из комнат слышится голос: «Сюда, сюда! Часть толпы бросается на зов. «Раздайся!» кричит кто то, взобравшійся на стол: и золоченая рама, с портретом Александра II повалилась на землю. Неизвѣстно, кто был инициатором этого преступленія, социалист ли, или просто без всяких тенденцій кто нибудь из толпы; но как бы то ни было, а царскій образ, как говорят, подвергся участи канцелярских бумаг: над ним наругались, выкололи глаза и затѣм истерзали в куски. Вдруг опять новый зов: «Братцы, деньги! грабь, сколько хошь.» Кто то увидѣлъ в шкафу цѣлыя пачки денег, но—о чудо!—народ не бросился загребать их в карманы: мелко разорванныя ассигнаціи разлетались в разныя стороны... Разрушеніе продолжалось недолго: скоро все было уничтожено, поломано, выброшено в окна. Не находя болѣе пищи своему гнѣву, толпа направилась к дому полиціимейстера. Тут же жил и исправник. Но обѣ эти власти, получив донесеніе, что народ овладѣлъ зданіем полиціи, соблагоразсудили немедленно удрать в Нахичевань. Толпа не знала этого и приблизившись к ненавистному дому, увидѣла дряхлаго городского, охранявшаго вход в помѣщеніе бѣжавшаго начальства. Старикашка храбро обнажил свою саблю; но кто то с хохотом вырвал ее у него из рук. «Ступай, дѣд, по добру да по здорову! Тебя и бить то не за что»—замѣтили в толпѣ.—В это время на порогѣ явилась фигура в очках в какой то чиновничьей формѣ. Она направила в толпу револьвер, требуя смириться и разойтись. Нѣсколько человек кинулось на нее из передних рядов, но фигура успѣла улизнуть, заперев за собой дверь. Тогда стали выбивать окна 1-го этажа, в квартирѣ полиціимейстера; ворвавшись таким образом в дом, сломали дверь и дали свободный вход всей массѣ. Но в квартирѣ, кромѣ горничной

и любовницы полиціимейстера, никого не нашли. Их не тронули: рыдающія и молящія о пощаду, онѣ были дѣйствительно жалки. Все бросились к столу, обильно уснащенному всевозможными пасхальными яствами; стали христосоваться и принялись за яства. Кончили. Вдруг раздались музыкальные звуки: кто то сидѣлъ за фортепiano и играл марсельезу. «Ломай, трощи!» послышалась команда,—и опять прилив страшнаго гнѣва: все, что было в домѣ подверглось ломкѣ; улица забаррикадировалась кусками мебели, одежды и т. п. Не пощадили и фортепiano, звуки котораго только что слушали. Но, замѣчательно: квартиру исправника оставили в покоѣ. «Не тронь его, ребята, худа от него нам никакого не было; и точно тоже восклицаніе о приставѣ Нижегородцовѣ: не тронули и его. Отсюда бурная и все болѣе озлобляющаяся толпа, двинулась ко 2-й части. На Садовой улицѣ послышались приглашенія разорить извѣстнаго здѣсь ростовщика Гуровича, но эти голоса были заглушены криками: «Деньги нам не нужны; на часть, на острог!» И 2-я часть подверглась участи первой. Затѣм настала очередь ненавистнаго ростовца приставы Бубликовскаго. Но,—по пословицѣ: знает кошка, чье мясо съѣла,—Бубликовскій заранѣе предвидѣлъ этот визит; он благоразумно спровадил свою жену с вещами в безопасное мѣсто, но совершенно неблагоразумно сам остался в квартирѣ. При приближеніи народа, он храбро встрѣтил его в корридорѣ с револьвером в руках и требовал смиренія. Эта смѣлость обошлась ему дорого: избитый до полусмерти, с выбитым глазом, еле спасся он каким то чудом. Уничтожив до тла буквально все, что только было в домѣ злополучнаго Бубликовскаго,—народ двинулся на острог. Здѣсь к этому шествію примкнула свѣжая толпа дотолѣ не принимавшая участія в дѣлѣ, толпа «босовиков». Босовики,—это элемент, составляющій принадлежность всякаго огромнаго промышленнаго центра в Россіи. Но нигдѣ он так не многочисленен, как в Ростовѣ. Это самая разношерстная масса: тут и бѣглые солдаты, наудавшіеся дворяне, крестьяне, бросившіе цѣлыми семьями свою родину и в отчаяніи возвращающіеся назад, нашедши в Прикавказьѣ, куда прежде стремились, пески, вмѣсто кисельных берегов и рѣкъ медовых; истратившись дорогой окончательно, эти несчастные застряли в Ростовѣ, в надеждѣ заработать на дальнѣйшее путешествіе до родины. Но здѣсь

и без них огромный излишек рабочих рук; и пришлось им волей-неволей увеличить собою контингент того люда, которому пропасть если не украсть; люда, проводящего ночь под крыльцами базарных лавок лѣтом,—а зимою в вырытой в навозной кучѣ ямѣ. Вот эта то голодная, полунагая масса, услышав, что в центрѣ города народ бунтует, сбѣжалась с его окраин и в количествѣ нѣскольких сот человек пристала к воинственному шествію на острог. Новый прилив сил, казалось, ободрил толпу; и воздух огласился страшными криками радости и угроз против ненавистных властей. «Да здравствует свобода!» со всей мочи кричал голос одного из социалистов.—«Да здравствует свобода!» подхватила толпа. Так подвигалась она все дальше и дальше. Вдруг впереди на встрѣчу народной толпѣ показалась катящаяся бочка. Это было у водочнаго завода Когана. Сам Коган стоял на крыльцѣ с пачкой ассигнацій в руках. Хитрый жид, блѣдный, дрожа, как осиновый лист, но в то же время с заискивающей улыбкой, приглашал народ покутить на свой счет. Напрасно раздавались протесты со стороны немногих, напрасны были просьбы:—огромное большинство, в том числѣ вся «босая команда», накинулось на бочку... Горѣлка потушила пожар.

Только небольшая кучка, человек во сто, остановилась как будто обезкураженная неожиданным отливом сил: «идти ли на острог, или нѣтъ?»—«Да здравствует свобода! Долой тюрьму!» ободрил ее чей то голос, и эта кучка пошла вперед. Но острог, оказалось, окружен войском, и безоружная кучка остановилась; остановилась, в досадѣ послала солдатам тучу ругательств и... разошлась.

Между тѣм «босовики», осушивши бочку горѣлки, бросились разорять публичные дома. Уж только тут полиція пришла в себя и сообразила, что дѣлать. Переодѣтым городовым приказано было замѣшаться в толпу и отмѣчать знаками тѣх, кто бушевал. Таким способом на улицах нахватили человек до 200. Большинство из них вскорѣ освободили; оставили в тюрьмѣ человек 30. Но в числѣ этих послѣдних—или «босовики», или тѣ из толпы любопытных зрителей, которых отмѣтила знаком усердная рука полицейскаго.

На другой день, когда уже в Ростов вошел отряд казаков, рабочіе грушевских шахт, услышав о ростовском бунтѣ, двину-

лись на помощь своим собратам. Их было нѣсколько сот. Но встрѣтив на [25] оврагѣ нѣкоторых из участников бунта, бѣжавших из города от преслѣдованія полиціи и, узнав от них, что всѣ уже кончено, воротились назад.

Таков, по рассказам очевидцев, ростовскій бунт.

ПОЛЬСКОЕ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ *)

27 МАРТА.

Еще в 1878 г. в № 1 «Земли и Воли» была помѣщена корреспонденція из Варшавы, в которой сообщалось в общих чертах о зарождающемся там социалистическом движеніи и обрушившихся на него преслѣдованіях. С тѣх пор движеніе это пошло дальше, распространяясь главным образом в средѣ городских рабочих, которые, благодаря быстрому развитію промышленности, все болѣе и болѣе приближаются к типу обще-европейскаго пролетаріата, представляя из себя удобную почву для привитія социалистическаго ученія.

Періодически повторяющіеся погромы сильно препятствуют возникновенію прочной организации рабочаго класса. Тѣм не менѣе она дѣлает успѣхи, поскольку это возможно под давленіем русско-политических условій вообще и военнаго положенія в частности. Благодаря этим послѣдним, социалистическое движеніе в русской части Польши насчитывает уже не мало жертв. Варшавская цитадель помѣщает в своих стѣнах около 100 человек, раздѣленных на 4 категоріи и ожидающих, смотря по времени своего заключенія, болѣе или менѣе скорого рѣшенія своей участи. По другую сторону границы, в Австрійской части Польши социалистов также не оставляют без преслѣдованій. В настоящее время в Краковѣ судятся 35 человек наших товарищей, обвиняющихся «в нарушеніи общественнаго спокойствія». (Нечего прибавлять, что это «нарушеніе» выдуманно единственно для того, чтобы примирить австрійскую «свободу слова» с пре-

*) Мы получили от одного из наших польских товарищей корреспонденцію, из которой, по недостатку мѣста, помѣщаем только слѣдующее извлеченіе.

Ред.

слѣдованіями соціалистов). На скамьѣ подсудимых фигурируют, как мѣстные элементы, выработавшіеся частью на международной почвѣ польско-руси́нской пропаганды во Львовѣ, частью под вліяніем Варшавскаго движенія, так и элементы пришлые или, говоря точнѣе, тѣ из Варшавских соціалистов, которым удалось избѣгнуть русской тюрьмы и поселиться в Галиціи. Предсказывать заранѣе результат процесса, который начался 16 февраля и продлится, по всей вѣроятности, еще мѣсяца два, разумѣется, крайне трудно. Можно только утверждать, что он окажет сильное вліяніе на умы той части интеллигентной молодежи и рабочих, которая не успѣла еще выйти из-под давленія псевдо-либеральных и клерикально-аристократических тенденцій господствующих классов.

Слѣдует, однако, признать, что рабочіе австрійской части Польши в послѣдніе 2—3 года значительно подвинулись в отношеніи пониманія своего современнаго общественнаго положенія и своего отношенія к господствующим классам. Так, напр., во Львовѣ, гдѣ существует нѣсколько правильно организованных рабочих обществ, издается специально-рабочая 2-х недѣльная газета «Ргаса» («Труд»), говорим—специально рабочая потому, что она поддерживается на средства рабочих и редактируется самими рабочими. Поставив себѣ в началѣ цѣлью пропаганду отвлеченной науки и сплоченіе рабочих, газета эта, под вліяніем успѣхов соціализма в Галиціи, стала принимать все болѣе и болѣе соціалистическій оттѣнок и разсуждать о дѣлах рабочих с соціалистической точки зрѣнія, поскольку это возможно в предѣлах австрійской конституціи. Как газета рабочих, «Ргаса» пользуется большою популярностью в их средѣ.

Ея агитація не осталась без вліянія на рѣшеніе рабочаго собранія, состоявшагося во Львовѣ 28 декабря 1879 г. Обсуждая всесторонне свое положеніе, рабочіе, которых присутствовало около 500 человек, рѣшили обратиться к Вѣнскому парламенту с нѣкоторыми опредѣленными требованіями. Они добиваются пока уничтоженія всѣх цеховых стѣсненій, которыя тяготят на них, втискивая жизнь их в тѣсныя рамки, и всеобщей подачи голосов, как орудія улучшенія их положенія в будущем.

Несмотря на виѣшнюю форму петиціи, исходная точка преній рабочих на собраніи была чисто соціалистическая.

Вообще, все шире разрастающееся рабочее движеніе во Львовѣ, с одной стороны и Краковскій процесс, всѣх поражающей своей новизной и повсюду вызывающей самые оживленные толки—с другой распространяют сѣмя «пагубнаго ученія» в польском обществѣ, которое, полагаясь на силу и живучесть своих національных традицій, считало себя застрахованным от соціалистическаго движенія, охватывающаго сосѣднія земли на Западѣ и Востокѣ.

Упомянем еще о «Równosci» («Равенство»), соціалистическом органѣ, издаваемом польскими эмигрантами в Женевѣ. Как журнал, стоящій на точкѣ зрѣнія Интернаціонала и при том вполне революціонный, он, конечно, запрещен в Галиціи, но тѣм не менѣе проникает в среду интеллигентной молодежи и рабочих русской Польши и Галиціи.

Заканчивая свою корреспонденцію, автор посылает соціалистам-народникам братскій привѣтъ и выраженіе полной солидарности.

ФРАНЦІЯ.

Исторія идет скачками. Період возбужденія, оживленія, стремительнаго движенія вперед смѣняются всегда періодами апатіи, которыми враги прогресса пользуются, как лучшим моментом для реакціи.

Если затѣм мы обратимся к хронологіи этих періодов возбужденія и упадка общественной жизни, то замѣтим нѣчто на первый взгляд совершенно случайное и непонятное: полный цикл общественнаго движенія совершается приблизительно лѣтъ в 20, т. е. во время, необходимое для полнаго развитія человѣческаго поколѣнія; так было, по крайней мѣрѣ, в послѣднее столѣтіе европейской исторіи. Точно вся нравственная сила, весь энтузіазм націи расходуется на один порыв к лучшему будущему, повторить который не хватает болѣе сил и нужно, чтобы подошло новое поколѣніе, которое взяло бы на свои молодые плечи бремя, оказавшееся не под силу старому, и понесло его по тяжелой дорогѣ прогресса.

Здѣсь не мѣсто разбирать, составляет ли такое явленіе результат челоуѣческой природы, или же диких условій современ-

наго строя Европы. Факт не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію.

В 1871 г. среди потоков крови, криков убиваемых женщин и дѣтей и грохота разносимых артиллеріей зданій, французская буржуазія праздновала свою побѣду над парижским пролетариатом.

Никогда еще побѣда людей «порядка» не была ни такой кровавой, ни такой полной. Страшная бойня, совершенная 20 л. тому назад седанским героем показалась ничтожной сравнительно с рѣзней Тьера и Мак-Магона. Сорок тысяч человек—цвѣтъ французской націи—была убита; шестьдесят тысяч—бѣжали или были высланы в Кайену. Буржуазія торжествовала. Ей казалось, что привидѣніе анархіи и коммуны навсегда уложено в могилу, из которой никогда не подняться ему. И дѣйствительно, во Франціи стали совершаться вещи по истинѣ невѣроятныя. Казалось, что традиція всѣх революцій девятнадцатаго вѣка погибла окончательно и смѣнилась средневѣковым клерикализмом, роялизмом, иезуитизмом. Франція казалась мертвою и, словно черные коршуны, попы и монахи насѣли уже на ея труп.

Но убить идею невозможно, потому что она безплотна. Она живет в умах, в книгах, в преданіях. Если это идея прогрессивная, идея жизненная, то живое всегда найдет себѣ мѣсто в живом. И чѣм сви[26]рѣпѣе были преслѣдованія, тѣм рѣзче подчеркнута идея их вызвавшая. Вот почему во всѣ времена гоненія только усиливали распространеніе преслѣдуемых ученій.

Так было и относительно Парижской Коммуны.

Великія идеи, брошенныя ею в мір, не могли быть выжжены никаким огнем, ни потоплены никакими потоками крови. Звѣрства версальцев окружили их только новым ореолом, привлекавшим к ним все, что было мыслящаго и благороднаго в средѣ французскаго народа. Мало по малу идеи эти начинают распространяться, проникать в почву, пускать корни, пробиваться наружу.

Когда прошло первое оцѣпененіе послѣ ужасов «кровавой недѣли», французскіе рабочіе начинают собираться в группы—потребность общенія была всегда первой ступенью в социалистическом движеніи. Собираясь вмѣстѣ, рабочіе

толкуют о своем положеніи и, разумѣется, о средствах улучшить его.

Лионскій конгресс 78-го года был первой попыткой французских рабочих договориться по этому предмету до каких-нибудь общих рѣшеній. Но это была попытка самая робкая и нерѣшительная. Лионскій конгресс не принял ни одного радикальнаго рѣшенія и ограничился повтореніем избитых, лишенных всякаго смысла для рабочаго народа, формул буржуазнаго либерализма. Конгресс этот привел в глубокое уныніе наиболѣе передовых представителей французскаго пролетариата, доказательством чему может служить полная горьких упреков статья одного из бойцов коммуны в социалистическом обзорѣнн (Travailleur). Но и тогда уже нѣкоторые голоса с надеждой привѣтствовали этот конгресс, как признак возобновленія социальнаго движенія в средѣ французскаго пролетариата (см. Общину № 3). Послѣдніе оказались правы. Раз пробудившись, умственное движеніе рабочих не могло остановиться на этой первой ступени. Рабочіе должны были или сами отречься от права на существованіе, или рано или поздно сдѣлаться социалистами. Такова логика жизни и, не будучи пророком, можно было предсказать это. Но что дѣйствительно трудно было предсказать, что дѣйствительно показалось бы невѣроятным в то время, так это быстрота, с какой французскій рабочій совершил этот переход.

В октябрѣ прошлаго года в Марселѣ собирается новый рабочій конгресс. Сто десять делегатов от разных рабочих обществ является на него. И что же? Единогласным рѣшеніем конгресс этот называет себя *социалистическим*. Затѣм, большинством 71 голоса против 39, он без всяких оговорок объявляет себя «за коллективную собственность, за отнятіе в пользу коллективности земли, рудников, машин, путей сообщенія, зданій, накопленных капиталов, которые должны служить на пользу всему человѣчеству». Он не говорит уже о выкупѣ,—а провозглашает необходимость экспроприаціи, коротко и ясно, без всякаго вознагражденія. Он не возлагает больше никаких надежд на мирный прогресс, невозможный при нынѣшних условіях и сознательно заявляет, что эта экспроприація может совершиться только посредством силы.

Вот что такое Марсельский Конгресс, составляющий поворотный пункт в истории социально-революционного движения и открывающий собою целый ряд уже организующихся в настоящее время новых социалистических конгрессов в разных городах Франции.

Месяц тому назад, в день годовщины Парижской Коммуны, в Парижѣ, в знаменитой Sale d'Aras устраивается первое открытое празднование коммуны. Сотни сочувственных и поздравительных адресов несутся к нему со всех концов Франции и Европы.

Под давлением общественного мнения французское правительство оказывается вынужденным дать, если не полную, то частичную амнистию. И вот несколько сот тысяч рабочих встречает амнистированных овацией, давно не виданной в Парижѣ. И не смотря на все мелочные преграды со стороны правительства, подобные же встречи приветствуют возвращение каждой партии казенских страдальцев.

Коммунар Умбер выбирается огромным большинством в муниципальный совет.

Всеобщая амнистия только вопрос времени.

Что же делает правительство ввиду грозной, все поднимающейся революционной волны?

Еще задолго до марсельского конгресса оно постаралось обезопасить себя от наследников людей, которых оно избавило в 71 г. Свобода слова была ограничена законом запрещающим собираться и устраивать общества без разрешения правительства. Итальянец Коста был осужден на два года тюремного заключения за одну принадлежность к Интернационалу. Свобода печати была стеснена безусловно покорными правительству судами, приговаривавшими к десяткам тысяч штрафа социалистические газеты, придираясь ко всякой мелочи с явной целью раззорить редакцию и поставить ее в невозможность продолжать издание.

Тем не менее, не смотря ни на закон Дюфора, ни на пени, ни на аресты социалистическая пропаганда все усиливалась. Период застоя, следовавший за страшным поражением французского пролетариата в 71 году, кончился. Движение вступило в свой восходящий фазис, и с колебаниями и неровностями оно

роковым образом будет расти и расти с каждым годом и месяцем и правительству оказавшемуся не в силах подавить его в зародышѣ, конечно, не удержать его дальнейшего развития.

В ту самую минуту как мы пишем эти строки телеграмма из Парижа извѣщает о новой мѣрѣ французского правительства. Восемнадцать социалистов изгнано из Парижа за социалистическую пропаганду.

Ничто не доказывает так ясно бессилия правительства подавить движение как это грубое насилие.

Очевидно, обыкновенных мѣр, находящихся в распоряжении власти, недостаточно. Она должна будет мало по малу прибѣгнуть к своему послѣднему средству—силѣ оружія.

Но тогда то и начнется начало конца!

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

В послѣдніе годы недостаток доступной пониманию народа социалистической литературы сдѣлался особенно ощутителен. Вышедшія нѣсколько лѣтъ тому назад народныя книги частью разошлись, частью арестованы полиціей и служат лишь вещественными доказательствами при обвинении того или другого социалиста в распространении «превратных толкований». Кроме того, серия наших народных изданій не отличалась полнотою и имѣла в виду главным образом читателя-крестьянина, оставляя в сторонѣ другіе слои трудящагося населенія Россіи. Городскіе рабочіе, казачество и солдаты были совершенно лишены литературы, которая трактовала бы о необходимости кореннаго измѣненія существующаго строя, исходя из явленій жизни, окружающей этих читателей, затрогивая их наиболѣе жизненные интересы. А между тѣм, практическая жизнь приводила социалистов в соприкосновение со всеми этими элементами русской общественной жизни и часто заставляла сожалѣть о полном отсутствіи приспособленной к их пониманию и интересам социалистической литературы.

Мы думаем, что пришло время хотя отчасти исправить этот недостаток и предлагаем всем сочувствующим дѣлу социалистической пропаганды оказать как литературное, так и матеріаль-

ное содѣйствіе *изданію* серіи соціалистических книг и брошюр для народа на великорусском и украинском языках.

В настоящее время готовятся к печати:

«ЧТО ТАКОЕ СОЦІАЛИЗМ»

(для рабочих) и

«ИСТОРИЯ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА».

Как матеріальныя пожертвованія, так и рукописи просим передавать: в Россіи—лицам, близко стоящим к редакціи «Чернаго Передѣла»; за границей—редакціям: «Общины» («Работника») и «*Revolte*» в Женевѣ.
